

КОРРЕКЦИОННЫЙ РОСТ

Кристина Терзи

Кристина Терзи
Коррекционный рост

«Автор»

2026

Терзи К.

Коррекционный рост / К. Терзи — «Автор», 2026

У старшеклассницы Маши непростые отношения с родителями, одноклассниками и новым школьным тренером по плаванию. Бунтарский ее нрав претит золотой молодежи класса, но становится вызовом тренеру. И пока их тернистые отношения обрастают запретными чувствами, тренер продолжает скрывать от Маши правду - вину за гибель ее старшей сестры.

Содержание

Глава 3.	42
Глава 5.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Кристина Терзи

Коррекционный рост

ЧАСТЬ 1. Класс.

Глава 1.

Пахло влажной землей, и лес этот тянулся к испачканному блеклым туманом горизонту; вершины деревьев торчали из-под мглы, обнажая маховые стволы. Маша остановилась и обернулась на протяжный вой приближающегося локомотива. Леденящий страх пробежал по жилам. Она увидела Аврору – крикнула ей, но звук поглотила пустота, а разорвавший звенящую тишину свист оглушил ее – посреди бескрайнего, промерзшего в эту холодную осень леса.

Маша открыла глаза и уставилась в бледный потолок с извилистыми трещинами в штукатурке. Слезы ее хлынули по лицу, но перебивая их упертым желанием забыть сон, она закрылась подушкой. Один и тот же кошмар, преследующий ее вот уже семь лет, вызывал саднящую боль в груди и не отпускал. Сквозь подушку мир затих, сбавил темп, перестал зудеть в ушах. Она глубоко вздохнула, снова погружаясь в сон, но сбоку раздались глухие стуки. Они нарастали, приобретая отвратительно настойчивый темп. Жар вспыхнул в теле; она вцепилась в подушку и, вложив в бросок всю свою агрессию, швырнула прочь.

– Я дома, ало! – ударила кулаком в стену, и стоны стихли. – Ненавижу вас, – добавила чуть тише.

Она села на кровать, раздраженная звуками материнской любви из соседней комнаты. За ее спиной стену увешивали грамоты и фотографии сестры. Аврора на снимках все еще улыбалась. Маша посмотрела на стул, где беспорядочно висела ее испачканная после ночного дрейфа одежда. Лишь свист резины заглушал призрачный рев локомотива, будоражащий ее сны. Она взяла телефон и отключила будильник, с раздражением приветствуя второе сентября.

В чугунной ванне, изуродованной ржавчиной, отчим держал в воде живых лещей, от вида и запаха которых Машу начало тошнить. Дыша через рот, она умылась, почистила зубы и наклонилась к лещам, предложив умыться и им. Те непрерывно моргали, и ей впервые показалось, что в этом доме она не совсем пустое место. Короткие волосы ее темного цвета с алыми переливами дрожали над плечами. Посмотрев в зеркало, она густо подвела редкие ресницы, обрамлявшие янтарные глаза. Села на край ванны и позвонила отцу, который обещал подбросить ее в школу. Часто, почти всегда, его обещания расходились с действиями, но она каждый раз надеялась на лучшее.

– Доча моя, – она терпеть не могла, когда папа так обращался к ней, потому что после этого всегда ее ранил, – я не успею, мне надо еще Алису отвезти на тренировку.

Младшая сестра, рожденная в папиной новой семье, перетянула на себя одеяло отцовской любви, и семнадцатилетняя Маша с горечью с этим смирилась.

– Но после школы заеду за тобой, и поедем к Авроре.

– И на этом спасибо, – бросила она и скинула звонок.

На кухне, заставленной, как всегда, полупустыми рюмками, гранеными стаканами и грязными тарелками, она отыскала свою кружку с желтым утенком, заварила кофе и наспех сделала хлеб с колбасой. За стеной вновь прозвучали стоны, но через секунду затихли. Не успев насладиться этой магией тихого утра, Маша с раздражением повернулась к стене, услышав, как настойчиво закрипела кровать в материнской комнате. Осушила кружку и, на ходу заедая бутербродом, натянула тяжелые ботинки. Под звуки материнской страсти, прошла в прихожую и со всей силы пнула дверь в ее комнату.

– Я же сказала, что я дома, уроды!

Схватила сумку и выбежала в коридор, и с такой силой хлопнула дверью, что стены в полуразрушенном подъезде задрожали. За покрытым грязью окном виднелся печальный двор – в их богом забытом районе. Дом, где жила Маша, был единственным многоквартирным, все остальные в их спальном районе были общежитиями. Неуютный и единственный двор в центре этой жизни печально замер на фоне серой погоды. Единственные качели, деревянная горка и песочница без песка уныло смотрели на Машу. Тоска ее была постоянной спутницей, но в эту минуту ей удалось на время утихомириться и уступить место теплу под грудной клеткой.

Бодро шагая мимо общежитий, тропинок, по осенней грязи, и содрогаясь от промерзлого утра, она позвонила своей подруге Лере.

– Антон сказал, что вы вчера целовались, – радостно протянула Лера и хихикала в трубку.

– Ничего особенного, это же Антон, – отрезала Маша. – Ты где?

– Дома еще, крашусь, потом с Антоном едем в колледж. Не всем в нашем районе повезло учиться в гимназии, – с деланной важностью уточнила, определенно улыбаясь на том конце разговора.

– Попробуй сказать моему папе «нет».

– А что Антон? Вы же расстались, – не унималась Лера. – Снова вместе?

– Посмотрим, – она как раз дошла до остановки, когда трамвай, мелко сплюнув грязью на ее яркую куртку, остановился. – Ладно, вечером увидимся, целую тебя.

– И я тебя.

Музыка гремела в наушниках, а за окном жить текла медленно и смиренно. Многоэтажки сменялись низкими ларьками, потрепанными временем районами и нескончаемой паутиной проводов над всей этой циркулирующей жизнью. Пар струился от длинных протянутых труб, из открытых окон машин и мельтешащих людей, симфонией сливаясь воедино и пряча за эту серую кромку блеклый солнечный диск. Маша оставила теплое дыхание на промерзлом окне и нарисовала на матовом от пара пятне сердце. Через мутное это сердце город будто ожил, и сама ее жизнь должна была засиять, только вот ни такого сердца, ни любви она в своей жизни еще не встретила. Контролерша с облаком из кудрявых волос ткнула ей в плечо терминалом, и Маша приложила карту.

– Не ляпай на стекле, – хмуро сказала женщина.

– Или что? Ни увидела предупреждающих знаков, – грубила Маша на опережение, по привычке.

– Ты с учителем так будешь огрызаться.

– У нас учителя – женщины, – не отступила она, но дружелюбно улыбнулась, найдя в этом удивительную возможность скинуть накопившееся за утро напряжение.

– Конечно, вам мужика только приведи, залезете на него сверху задом. Что за поколение....

Маша сконфуженно проводила ее взглядом и бурно рассмеялась, потому что к ней это не имело никакого отношения.

Запустила пальцы в волосы и взъерошила их на макушке, возвращая утренний объем своей прическе. Каре Маша подстригла после окончания десятого класса, когда начала встречаться с Антоном – парнем из соседнего общежития. Он всегда нравился ей, а летом между ними все и случилось. Все, что может случиться между двумя влюбленными.

Но Антон был вспыльчивым и неуравновешенным, поэтому они расстались в августе, и вот вчера, когда целовались на переднем сидении его белого марка, кажется, сошлись снова.

Гимназия №5 была элитным учебным заведением в их городке, со спортивными классами по плаванию, в одном из которых и училась Маша. В обществе избалованных мажоров, гениев и тех, кому просто повезло, она чувствовала себя, как рыба на суше. Но здесь, внутри гимназии, она была нормальным подростком из хорошей семьи, раз уж те могли оплатить ее обучение здесь. Видимость нормальности начиналась здесь и тут же и заканчивалась, ведь и в своем «богом забытом» районе – она чувствовала себя чужой. И, несмотря на частые тренировки между уроками, она давно ничего не достигала в плавании. Ее сестра Аврора, когда-то была феноменальной чемпионкой, и это звание очень давило на Машу, от которой требовали большего. Из-за этой ноши она не могла дать даже тот минимум, на который была способна. Потому вела себя мятежно и бурно, заставляя всех смотреть на нее не как на сестру Авроры, а как на Машу – дикую, неспособную ни на плавание, ни на подчинение.

– Маха! Стой, – ее нагнал запыхавшийся одноклассник и толкнул в плечо.

Одноклассник Сашка, – светловолосый, с бледными веснушками и лучезарной улыбкой, – обнял ее за шею и потащил за собой.

Путаясь в ногах, Маша еле поспевала за ним.

– Опачки, – она громко засмеялась, увидев на лестнице Оксану, которая ревниво смотрела на них. – Местная достопримечательность пала и перед тобой?

– Заткнись, – прошептал Саша и с улыбкой припал губами к губам Оксаны.

Маша вскинула брови, разглядывая одноклассницу.

Они были из разных миров, но сделаны из одного теста. Оксана росла единственной дочерью в семье, тоже бунтаркой, но окруженная теплом и любовью. Поэтому выросла лидером и не хотела это место делить с Машей, которая брала свое напором и жестким характером, никогда не прогибаясь ни под кого в классе. К тому же, Оксана была невероятно красива. С длинными густыми волосами цвета крепкого чая, большими карими глазами и густыми ресницами, как у куклы.

Она небрежно взглянула на Машу в ответ, крепко сжимая руку Саши, словно та на него претендовала.

– Смело, – надменно окинула взглядом ее прическу. – Впрочем, у тебя всегда волосы были как солома.

– Оксан, у тебя вместо мозгов солома, живешь же как-то, – терпеливо ответила Маша и обошла ее, наслаждаясь обалдевшим от ее реплики лицом. – А что случилось с Данилом? Или ты как олимпийский огонь?

– Типа все меня хотят?

– Типа по кругу передают.

– Дрянь! – выпалила Оксана и посмотрела на Сашу. – Скажешь что-то?

Он тактично молчал, никогда не впутываясь в женские разборки, тем более что Маша была его подругой детства.

– О, звезда нашей беседы, – улыбнулась Маша, помахав Данилу.

Оксана взяла Сашу за руку и быстро зашагала в гимназию.

Данил широко улыбнулся Маше, поправляя взъерошенные темные волосы. Бегом поднялся по ступеням и остановился, смотря на нее незнакомым, пристальным взглядом. Она отступила, не зная, что вызвало столь странные перемены между ними. Они с Данилом были друзьями, как и со всеми парнями в классе. Мальчики обожали Машу, девочки терпеть не могли за острый язык, стервозность, пытливый ум и особенно за то, что мальчики ее обожали. Но ни с кем из класса у нее не было отношений, она и подумать о таком не могла. И вот теперь столкнулась со странным взглядом Данила – он смутился перед ней при первой после целого лета встречей. Высокий, с детскими чертами лица и обычно слишком самовлюбленный, он стоял перед ней и краснел.

– Как лето провела? – даже медовый загар не скрыл пунцовых щек. – Не виделись даже.

– А ты где был-то, Данечка, чтобы мы виделись? – с наигранной легкостью спросила она.

Они вошли в холл, прошли через арочные проемы и предъявили пропуска на входе. Данил шел следом, а когда поравнялся с Машей, не сводил взгляда с ее лица. И это ее начало напрягать.

– На даче у нас в Испании.

Маша хихикнула:

– Дача в Испании – это очень круто, но как бы мы там увиделись, милый Данечка? – она остановилась, не выдержав его влюбленного взгляда, и схватила его за рукав. – Что с тобой?

– Я соскучился, представляешь?

– Это из-за Оксаны и Саши? Я тебе не пластырь и не очередная вершина, который нужно покорить.

– Нет! – выпалил он. – Просто, мне было скучно без тебя, и я так обрадовался, когда увидел тебя.

Она недоверчиво шурилась, пытаясь разгадать загадку его странного поведения. Раньше Данил не проявлял такого внимания, и не потому что три года встречался с Оксаной, – все знали о его изменах, – а потому что она сама видела в нем лишь друга.

– Слушай, мне пора, – смущенно постучала по его плечу и спряталась в женской раздевалке.

Она прошла по блеклому коридору, и яркий свет ударил ей в лицо. Нос защекотало от запаха хлорки, и Маша чихнула, заставив одноклассниц замереть у своих шкафчиков. Они внимательно смотрели, будто видели ее впервые, и молчали, потому что еще секунду назад обсуждали ее. Небрежно оглянувшись на всех, Маша прошла к своему шкафчику, лавируя между рядами, деревянными лавочками и другими шкафчиками цвета ультрамарина.

– Фу, рыбой воняет, – прокомментировала Лена, разглядывая ее.

– А ты попробуй подмыться, – отрезала Маша и открыла дверцу.

По раздевалке прокатился смех, и Лена с яростью уставилась на Машу, закрывая собой все еще взвинченную Оксану.

– Что у тебя с Данилом? – спросила Яна, прислонившись к соседнему шкафчику и сложив руки на груди.

На ее плече красовалась свежая татуировка в виде цветка, которая завитками спускалась чуть ниже, на уровне ее кудрявых волос – дар армянской диаспоры.

– Мы вместе с ним спим, а у тебя?

У Яны и остальных брови поползли вверх.

– А тебя все в классе имеют, – попыталась уколоть ее Оксана.

– А тебя весь город, – равнодушно бросила Маша и продолжила раздеваться.

Оксана вспыхнула, но волю чувствам не дала; остальные притихли по инерции, потому что ссориться с Машей – себе дороже.

Она сняла толстовку, и взгляды всех прилипли к ее татуировкам. За лето у Маши их стало намного больше, но в основном на теле, чтобы взрослые не придирались перед соревнованиями. Причудливые завитушки тянулись от низа живота по выпирающей кости правого бедра до талии, маскируя уродливые шрамы, о которых никто и никогда не спрашивал. Слева на талии появилась новая татуировка «Love them all», которую набила ей Лера. На правом плече красовались волны в виде полумесяца, сквозь которые в никуда стремились рельсы. Небольшая тату по ореолу ее тонкого плеча. Снизу блистала россыпь маленьких звезд и окольцованный маленький Уран. От волны на самом плече спускались новые завитки прямо к выемке между грудями. Маша сняла тканевый лифчик, и девочки ненароком взглянули на ее красивую упругую грудь. Они всегда молчаливо рассматривали друг друга, вынося оценки за внешность по своим внутренним канонам. Сегодня все единолично вынесли Маше пять из пяти. Стройная, невысокого роста, с плоским животом, острыми ключицами и выпирающими костями на бедрах, исеченными тонкими шрамами. И с упругой попой, на которую так часто заглядывались одноклассники. На самом деле, они обращали внимания на все задницы в гимназии, но шестнадцать девочек ревновали их только к Маше, потому что она выбивалась из их коллектива, как пьяный в летящем самолете.

– Продуктивное лето выдалось у твоего тату-мастера, – заметила Яна.

– А у тебя? – внезапно дружелюбно спросила Маша.

– С Даней тоже спала, – ухмыльнулась, пытаясь задеть ее.

Но Маше было настолько все равно, что она взглянула ей прямо в глаза, но заметила другое – как Оксана позади нее сжалась и побледнела, как белый пол в их раздевалке.

– На даче в Испании? – усмехнулась Маша. – Завидую.

– Ладно, – отмахнулась Яна. – Шутка. С родителями путешествовали.

И понеслось: подхватив эту тему, каждая норовила переплюнуть другую в том, кто лучше отдыхал и богаче. Одна часть отдыхала роскошно – за границей, вторая менее помпезно, где-то в городе или в другой части России, тем не менее, зависть и хвастовство витали в воздухе. Маша села на скамейку, наблюдая, как краснеют другие, отстаивая себя, и только Оксана молча и пристально смотрела на нее, словно тоже осуждая эти глупые разговоры. Какая чушь. Маша зажмурила глаза, стараясь прогнать настырную мысль, будто они с Оксаной думают об одном и том же.

– А ты где отдыхала? – внезапно обратилась Оксана к ней.

– В месте под названием «нигде».

– А что так? Слышала, тебя *твой* катал на марке на гонках, – подмигнула Настя, с которой Маша иногда дружила.

– Дура, ты чем слушаешь? – Маша постучала себе по голове. – Меня и Данил катал, и весь класс, да? – переспросила она у Оксаны.

– Да-да, – передразнила ее Оксана. – Пойдемте уже, занятие начинается.

Маша закинула ногу на ногу, наблюдая, как раздевалка пустеет.

Только Настя и их невысокая подруга Мила стояли и ждали, когда она наконец одумается.

– Тебе нравится быть посмешищем? – серьезно спросила Мила.

– Нравится, честное слово, – Маша поклонилась и наигранно улыбнулась. – Лучше быть настоящей лохудрой, чем картонной куклой. И вообще, они меня за это еще и уважают.

– Они, правда, подумали, что вы с Данилом вместе тусовались, – огорчилась Настя так, будто это говорили о ней.

– Правда, не правда... – Маша повела подруг по узкому коридору к бассейну. – А кто решает, что правда, а что нет? А судьи – кто?

Теплый воздух с едким запахом хлорки ударил ей в нос. Под высоким куполообразным потолком светили маленькие лампочки, и их тонкие лучи падали на плитку цвета океанского дна и на перламутровые плитки, выложенные наискосок у самого пола. Новенькая плитка на полу, словно из слоновой кости, мерцала в этом спектре света. Было удивительно ей видеть обновленный бассейн, который много лет даже не ремонтировали. Вода в нем будто ожила; она переливалась лазурной гладью, и Маша с улыбкой заметила, какие кривые у нее одноклассники в отражении.

– Настя у нас физиономист – читает по лицам, – подначивала Мила сзади.

Рядом с мальчиками девочки стояли в две шеренги. Маша вышла вперед, толкнув Яну бедром и закрыв собой Оксану. Та вцепилась в ее плечо и отодвинула силой, в конце концов вынырнув из задней шеренги и встав рядом с Яной.

– Я серьезно, – суровая Настя была дочерью социального педагога, поэтому никогда не смеялась с припадков Маши. – Что с Антоном у тебя?

Она встала позади Маши.

– Иллюзия обмана, в виде несуществующей любви. И эротика, за которую папа лишил меня карманных денег, и мне пришлось работать барменшей в ночном клубе.

– Любовь существует, просто ты уродка, – Яна не могла перестать задевать ее.

Маша ухмыльнулась, разглядывая ее:

– Могу списать это на твой юношеский максимализм, но лучше спишу на отсутствие мозга.

Яна уставилась на нее, но ответить не успела: в огромном зале показались две фигуры.

Завуч Дмитриевна, как ее прозвали школьники, шла чуть впереди, властно размахивая руками и что-то объясняя. Позади нее не спеша двигался высокий мужчина с высеченными рельефными мышцами на руках и светлыми глазами, которые невозможно было не заметить. Дмитриевна поздоровалась с ребятами и остановилась, с сияющей улыбкой представляя им незнакомца:

– Это ваш новый тренер Игорь Андреевич, ребята, просим любить и жаловать.

– Любить не обязательно, а вот – уважать, прошу.

Новый тренер сдержанно улыбнулся им и слегка поклонился, выдерживая каждый свой жест так, будто был не просто тренером, а директором или даже их президентом.

Девочки зашептались, с горящими глазами рассматривая его.

– Я бы ему вдула, – прокомментировала Яна.

Мальчики ревностно покосились на тренера.

– Удивила, – усмехнулась Маша.

– А сколько вам лет, Игорь Андреевич? – спросила одна из девчонок, и все вновь синхронно засмеялись, как влюбленные девицы во время гадания.

Дмитриевна вспыхнула, а Игорь Андреевич ничем не выдал смущения, напротив, держался уверенно и с интересом всех разглядывал.

– Девочки! Что это такое?! – воскликнула завуч.

– Познакомимся тогда лучше, – он вышел вперед, спрятав руки за спиной. – Меня зовут Игорь Андреевич, как вы уже поняли. Мне двадцать шесть лет, я мастер спорта по плаванию и до вас тренировал детей в спортивной секции. Надеюсь, нас с вами ждет год, плодотворный на победы и достижения.

– А мы как надеемся, – девочки залились смехом.

– Жертвы тестостерона, – смеялась над ними Маша.

– Додумались же в выпускной класс сунуть нового тренера, – выразил недовольство от лица всех парней Саша.

– Додумались, – спокойно улыбнулась Дмитриевна.

– Я все равно не запомню ваших имен сразу, так что давайте начнем тренировку, так и познакомимся, – продолжал дружелюбно говорить новоиспеченный тренер, но взгляд его при этом оставался тверд и непоколебим.

– Мария! – крикнула завуч, так что та аж попятилась назад. – Выйди вперед сейчас же!

Маша вышла из строя и подошла к Дмитриевне.

Та ткнула ее в татуировку на плече, почему-то игнорируя тату Яны, и громко пропищала:

– Что за ужас? Тебе сколько лет?

– Семнадцать, – гордо вскинула голову Маша, наслаждаясь чужой истерикой. – Вы забыли?

– Прекрати паясничать! – гремела завуч. – Какой ужас, как ты с этим будешь участвовать в соревнованиях? Ты что же, Маша, зэчка? – не переставала тыкать в татуировку.

– Насколько мне известно, никого еще не дисквалифицировали из-за татуировок, – степенно заметил Игорь Андреевич. – Не волнуйтесь так, Инесса Дмитриевна, это вредно для здоровья.

Маша с удивлением улыбнулась, оценив подкол.

– Она же специально это вытворяет, чтобы свести нас тут всех с ума!

– Конечно, это и есть цель моей жизни, – честно призналась Маша, нисколько не теряя уверенности в голосе.

– Думаешь, если твой отец... – Дмитриевна показала пальцем вверх. – Ты можешь тут выкрутасы свои устраивать?

– Кто отец? – поинтересовался Игорь Андреевич.

– Господь Бог, – выпалила Маша. – Она же вам показала, – и повторила жест, указав пальцем наверх.

Взгляд его сияющих лазурных глаз и улыбка, за которой он погасил секундный смех, жаром отозвался в груди Маши. Ей показалось, будто они знакомы, словно дежавю, за которое невозможно ухватиться, а оно ускользает все дальше. Жар перекинулся на щеки, проник в кровь и взбурлил ее. Она отвела взгляд, испугавшись этой неизвестной реакции. Облизнула мгновенно пересохшие губы и посмотрела на хмурую Дмитриевну.

– Закончила концерт? – она уперлась руками в бока. – Знакомьтесь, Игорь Андреевич, это Маша Кондратьева.

– А, – тренер закивал, – известная фамилия.

– Да, дочка Александра Кондратьева – генерал-лейтенанта юстиции прокуратуры области.

Маша присела в плие и гордо вскинула голову, по-настоящему уважая себя за фамилию, при упоминании которой люди меняли отношение к ней кардинально. И все равно ей было, что вовсе не ее это заслуга, ведь она гордилась быть дочерью такого отца.

– Так что аккуратней с генеральской дочкой, – обратилась к тренеру Дмитриевна. – Если что-то будет не по нраву Марии, наши головы полетят, – Маша закатила глаза, потому что это была наглая ложь. – Иди на место, и в следующий раз будь добра избавиться от этого убожества.

– Как я избавлюсь от «этого»? Это же мои одноклассники, – невинно улыбнулась Маша.

Мальчики залились хохотом, а девочки раздраженно уставились на нее.

– Вы не обращайтесь на нее внимания, она у нас любит шутить, – отмахнулась Дмитриевна.

– С головой Маша наша не дружит, – добавила Яна.

Маша мучительно вздохнула и вернулась на место, ткнув Яне в лицо средним пальцем.

Из-за того, что Аврора погибла на пике карьеры – будучи чемпионкой области – Маша боялась не достичь ее уровня или вовсе – тоже сломаться на пике. Хоть знала, что причина гибели сестры вовсе не спорт, но все равно боялась. С плаванием у нее из-за этого начались сложные отношения, но она никогда не переставала его любить. Чувствовала себя на своем месте лишь там. Замедлялась, ровно дышала, обгоняя девчонок на соседних дорожках. С новым тренером оказалось даже весело – он не орал на них с первой минуты урока, как прежний. Кто-то попытался схватить ее за лодыжку, и Маша в ответ с силой ударила ступней. Похоже, попала в нос. Остановилась, обернулась и стянула очки с глаз.

Данил хохотал, ощупывая нос. С его черных ресниц капала вода, заполняя бирюзовые бассейны в его глазах, посреди которых увеличивались зрачки.

– Погуляем сегодня?

– Ты это серьезно? – Маша широко раскрыла глаза.

– А что не так? – подплыл к ней почти вплотную. – У тебя есть парень?

– Не знаю.

– Ты всегда такая честная, – засмеялся Данил. – Так какой ответ? Я бы смог побороться за тебя.

Маша закатила глаза, не воспринимая его всерьез. Подплыла к лестнице, вылезла из бассейна и стянула шапочку с головы, выдернув ею пару волосинок.

– Ну, так что? – нагнал ее.

Маша серьезно посмотрела на него:

– Данил, ты же как общественный транспорт – всех катал.

Тот опешил, но она не договорила:

– Твоя бывшая – Оксана... Мы с ней даже не одного типажа.

– Поэтому я и хочу погулять с тобой.

– Ты хочешь отомстить?

– Почему ты не веришь, что я правда соскучился и хочу просто погулять? Это ведь тебя ни к чему не обязывает, – он развел руками. – Ты мне нравишься.

– Давно? – подозрительно прищурилась.

Ведь это Данил.

– Нет, недавно, – с улыбкой приблизился, так что Маша аж отшатнулась. – Но я всегда считал тебя особенной, – Данил резко схватил ее за запястье и утянул за собой в бассейн.

Прохладная вода залилась ей в уши и нос, обволакивая ее, словно одеяло. Со всей силы толкнув его локтем в грудь, Маша вынырнула и тяжело закашляла, стараясь выплюнуть хлорированную воду из горла.

– Как зовут? – подбежал к ним тренер и наклонился над Данилом. – Где находитесь? В цирке?

– Расслабься, Андреич, – расслабленно улыбнулся тот.

Маша зацепилась за поручни и поднялась из бассейна.

– Меня зовут Игорь Андреевич, – серьезно уточнил тренер, не отводя взгляда. – Как зовут, я спрашиваю еще раз.

– Данил Митрофанов, Андреич, – высокомерно продолжил дерзить Данил.

– Одни звездные дети. Михаил Митрофанов твой отец?

– Да, начальник нашего областного завода, куда вы пойдете работать, если будете лезть не в свое дело, – процедил он и вылез следом.

– Получается, это твой отец? – Маша ткнула пальцем в потолок.

– Смешно, – улыбнулся Данил и нарочно задел Игоря Андреевича плечом, проходя мимо.

Игорь Андреевич не отреагировал, прошел к своему столу и уселся за него. Данил скрылся в раздевалке, и Маша исподлобья посмотрела на тренера. Быть, как Данил, она не хотела, и от любой несправедливости у нее в груди щемило, пусть и сама Маша часто была главной грубиянкой класса. Но с ним почему-то ей не хотелось быть грубой. Неуверенно она подошла к его столу и заговорила:

– Извините, он всегда так себя ведет со всеми.

– Не извиняйся за чужие ошибки, Маша, – ответил не глядя.

– Они хорошие ребята, ну, некоторые точно.

Не знала, зачем оправдывается за Данила и почему не может уйти. Внезапно тренер положил ручку и внимательно посмотрел на нее, отклонившись на спинку стула. Его пристальный взгляд она почувствовала где-то под ребрами, будто он рыскал внутри, касался заледеневших струн, и те неожиданно отзывались. Неуверенно отступила от стола, и Игорь Андреевич тепло улыбнулся:

– Спасибо, мне приятно узнавать тебя.

– Но вы ведь ничего не спросили, чтобы узнать меня, – спрятала смущение за улыбкой.

– Один поступок способен открыть больше, чем тысячи разговоров, – все еще внимательно разглядывал ее. – А теперь иди на уроки.

Маша неловко улыбнулась и отошла от стола. Отчего-то вдруг засмушалась и быстрым шагом направилась в раздевалку. Но перед тем, как окончательно покинуть бассейн, обернулась. Тренер все еще сидел, писал в тетради и не обращал на нее внимания. А должен был? Маша и сама не поняла своего интереса и скрылась в раздевалке.

Сквозь рваную листву самой высокой лиственницы у их корпуса блестели лучи уходящего солнца, пробивавшиеся сквозь лиловые тучи. Все шли домой, а в гимназии продолжал гореть свет под звонкий детский гам. Маша спустилась на мокрый асфальт. В этом году осень пришла раньше обычного, а дождь настойчиво моросил. Она натянула капюшон куртки, вглядываясь за ворота. Машин было много, но ни одна не принадлежала ее папе. Она провела пальцем по мокрой оградке у газона, собирая в ладонь воду, и села на то место, где вытерла. Ветви деревьев кланялись к ней и гимназии, касаясь раскидистыми ветвями влажной травы и асфальта. Город за территорией промок; фасады ближайших домов влажно сияли крупными пятнами. Дождь усиливался, и Маша уже промокла до нитки. За высоким забором из железных прутьев просигналил ее папа, сидевший в теплом и сухом «Лексусе». Она встала и побрела к машине, стряхивая с себя дождевые капли.

– Ты опоздал, – с укором заявила вместо приветствия.

– Извини, доча, много работы, – он одарил ее легкой улыбкой, в которой ей не удалось прочесть ни капельки стыда.

Они выехали на центральную улицу, по обеим сторонам которой тянулись одинаковые пятиэтажки серого и желтого цвета. Под крышами остановок толпились люди, теснясь друг к другу из-за усиливающегося ливня. Вода стекала по окнам, стекла в машине потели, а Маше было холодно из-за промокшей одежды. Папа ответил на звонок и говорил все десять минут, пока они ехали до цветочного магазина. Вернувшись оттуда, передал ей букет белых лилий, и они поехали дальше, все еще молча, как чужие.

– Как в школе? – наконец спросил папа.

– У нас новый тренер, а завучиха опять хвасталась твоей-моей фамилией.

Папа улыбнулся.

– А что еще ей делать?

– Тренер хороший, лучше Валерия Сергеевича, мне так кажется. Добрее он, что ли.

Она удивилась, с каким теплом отзывается о едва знакомом человеке, и нервно затеребила пальцы.

– А что с Валерием Сергеевичем не так? – отрешенно спросил отец.

Искренне ли интересовало его это, Маша не смогла понять, но поделиться с папой хотела всем.

– Он постоянно орал, между прочим.

– Подожди, и этот начнет орать, с вами по-другому нельзя, а то от рук отобьетесь, – засмеялся он.

Она оскорбленно посмотрела на него, затем отвела взгляд, потому что папа намекал на нее и на татуировки на всем теле, за которые лишил ее карманных денег и не разговаривал весь август. И сейчас заговорил только потому, что у Авроры был день рождения.

– Как дома? – спросил он, совершенно неожиданно, потому что обычно его не интересовало это.

– Как всегда, – Маша царапала кутикулу, нервничая из-за одной мысли, что скоро вернется туда. – У матери все как всегда.

– Бухает?

– Каждый день, – ком застрял в горле и начал царапать до слез, но она не хотела показаться слабой, потому что ее папа слабаков не любил.

– С кем?

– С Сережей из соседней общаги.

– Он тебя обижает?

Маша даже удивилась, потому что раньше его и это не волновало.

– Нет. Я себя в обиду не дам.

– Я тебя тоже в обиду не дам, – посмотрел на нее. – Если обидит, скажи.

– Хорошо, – внутри – между ребер – расцвело, и она улыбнулась, отвернувшись к окну.

Но улыбка была недолгой. Они остановились, и Маша выпрыгнула из машины в густую глину, крепко держа цветы. Выругалась, отряхнулась и пошла за папой. Они прошли за ограду, и тогда папа крепко взял Машу за предплечье и прижал к себе. От такой нежности в глазах у нее все поплыло, ведь она давно не чувствовала папиной любви. Вместе они спустились и остановились у низкой роскошной оградки, за которой стоял высокий камень с выгравированным лицом ее старшей сестры Авроры. Маша присела на корточки и положила букет у ее изголовья. Семь лет назад ей было столько же, сколько сейчас Маше. Папа закурил, молча смотря на свою старшую дочь. Маша встала и спрятала руки в карманы, а слезы, как всегда, прилипли к щекам. За семь лет без сестры она так и не смирилась с ее внезапной и трагичной кончиной.

Аврора легла под поезд и погибла, оставив прощальный пост на своей стене в социальной сети. На фотографии, приложенной к посту, она стояла позади десятилетней Маши и крепко прижимала ее к себе. Улыбалась, будто не планировала умереть уже тогда. И в том посте она написала, что ненавидит своих родителей, и всю жизнь держалась особняком от отцовской и материнской нелюбви ради младшей сестры Машеньки. Только ради нее, но и это однажды стало для нее пыткой, потому она уходит. В конце Аврора добавила, что, может быть, после ее поступка родители научатся любить. Может, хотя бы Маше повезет.

Но Маше не повезло, и это мучило ее еще сильнее. Она плакала и смотрела на папу, думая о том, что чувствует сейчас он. Думает ли о последних словах Авроры в том посте или ему, как обычно, все равно? Вытерла слезы и припала горящим поцелуем к каменным устам сестры. Все еще любила ее больше всех и одновременно ненавидела за то, что та ее оставила с ними – неумеющими любить, думающими только о себе. Оставила совершенно одну.

– Пошли, – сказал папа и прижал ладонь к лицу, высеченному на камне. – С днем рождения, доча.

Доча...

Они вернулись в машину и поехали по домам – он в свой элитный ЖК, она – в свой неблагополучный. Радио замолчало, и папа тоже молчал. Оба думали друг о друге, но ни у одного не нашлось смелости заговорить.

– Как у Алисы дела? – заговорила первая Маша.

– Английский три раза в неделю, французский – три раза, на художественную гимнастику ходит.

– Скоро в школу, – неловко ответила она.

Она провела пальцем по вспотевшему стеклу, рисуя сердце, сквозь которое капли дождя стекали по окну. Асфальт промок, стал черным, как и вечернее небо за ярким откусанным месяцем. Маша сцепила продрогшие руки в замок и посмотрела на папу. Когда Аврора покончила с собой, их и без того несчастливая семья распалась – папа ушел к любовнице, и там у него почти сразу родилась Алиса. Невероятно красивая и улыбчивая девочка, которую Маша в душе любила, но и ревновала, потому что тоже мечтала быть любимой папиной дочерью. Тоже улыбчивой и тоже красивой. Но папа назвал Машу «уродкой», когда увидел ее новые татуировки, и если бы она ушла из гимназии и бросила плавание, наверное, отказался бы от нее совсем. И тогда бы у Маши в этом мире осталась только пьющая мать, чья кровать никогда не пустовала, в отличие от ее сердца. Поэтому она терпела всех заносчивых одноклассниц и подстраивалась под стандарты папы, но все равно проигрывала идеальной Алисе и ее масштабным достижениям в столь раннем возрасте. И проигрывала даже умершей сестре, просто потому что та была мертва – и разочаровать его уже не могла.

Они остановились около ее многоэтажки, и Маша улыбнулась папе. Хотела попросить переночевать у него, но прекрасно знала, что он вежливо откажет, потому что новая его жена Машу не любила по определению. Из-за Авроры и ее «позорной» смерти.

– Ты злишься на Аврору? – наконец спросила она это. – За то, что дочь прокурора сделала это с собой.

– Мы с твоей мамой были кошмарными мужем и женой, и еще более кошмарными родителями, – Маша улыбнулась, потому что это все еще было так, хоть папа и не замечал этого. – И она была очень чувствительная, а мы были слишком заняты ссорами, чтобы увидеть, как твоя сестра страдала, – сдержанный, он тяжело цедил слова и не мог показать Маше свои слезы, хотя она их видела и так.

– А как узнать, что ты страдаешь? – спросила, потому что иногда ей мерещились собственные страдания.

– Ты не такая у меня, – она обрадовалась, потому что он назвал ее своей. – Ты сильная девочка – вся в меня.

Он крепко обнял ее, и Маше стало так тепло в груди от его любви, от близости к папе, по которому она каждый день скучала, вспоминая дни, когда жила вместе с ним и мамой. Когда мама не была пьющей. И эта ностальгия была фальшивой, ведь ни счастливой семьи, ни счастливого детства у нее не было.

Папа поцеловал Машу в щеки, в лоб, а затем в макушку, и снова обнял.

– Я люблю тебя, доча.

– И я тебя, пап.

Она открыла дверь и вышла под дождь, прощаясь улыбкой.

– Если понадобятся деньги, позвони.

Она кивнула и зашла в подъезд, нуждаясь совсем не в деньгах, но довольствовалась и этим.

Поднялась на свой этаж и принялась: едко воняло сигаретами, значит, в квартире происходила очередная попойка. Уверенно зашла внутрь и, прямо в ботинках, назло матери, сильно толкнула деревянную дверь, отчего стекло в ней задрезало. В небольшой кухне сидело пятеро: мать, соседка, отчим Сережа и двое мужиков. На круглом небольшом столе скатерть вновь была измазана красной липкой настойкой. В граненых стаканах – вода, смешанная с томатной пастой, а рядом – наполненные до краев рюмки. Рядом лежали холодная яичница и утренние Машины бутерброды. В центре этого хаоса – фотография Авроры в черной рамке, где она была красивой и живой, не знакомая с такой матерью. Машей обуяла злость; она схватила фотографию сестры со стола и с ненавистью взглянула на пьяную мать:

– Какой позор ты устроила здесь! Мне стыдно за тебя.

– Ой, какая, в папку характером, – зажевала слова соседка, еле держась на стуле.

Мать вскочила, халат распахнулся, оголив ее нижнее белье, но ее это не волновало. Попыталась выхватить фотографию, но Маша крепко прижала снимок Авроры к себе, глядя в глаза матери. Так плохо ей стало, так больно и гневно за то, что мать сотворила с собой и с ней.

– У моей дочери день рождения, имею право, – бубнила мама.

– Это повод выпить в очередной раз? – крикнула Маша, и голос ее дрогнул.

– Отдай мне дочку, – мать тянулась к рамке с фотографией.

– Я тоже твоя дочь! – крикнула со всей ненавистью и взглянула на гостей. – Убирайтесь все отсюда нахрен! Быстро! Не позволю впутывать свою сестру в вашу аморальную попойку, уроды. Ненавижу всех вас.

– Закрой рот, сука! – отчим вскочил, и его грузная фигура выросла перед ней; он изо всей силы ударил Машу по щеке.

Она упала на пол, и мать выхватила фотографию, с безумным взглядом отшатнувшись. Маша вцепилась пальцами в пол и повернулась к отчиму, с залитыми ненавистью глазами посмотрела в его пьяные и заплывшие от ежедневных попок глаза.

– Тронешь меня еще раз – я убью тебя.

– И сядешь, – ухмылялся отчим, усаживаясь обратно на стул.

– Меня папа отмажет, – Маша встала и взглянула на испуганную мать. – А тебя уже никто и никогда не отмажет от этого дерьма.

Она вышла из кухни и со всей силы хлопнула дверью. Стекло треснуло и рассыпалось на пол, отчим взревел, а Маша плюнула на его куртку у шкафа и прошла в свою комнату. Заперла дверь, сползла по ней на пол и зарыдала. Тихо, чтобы никто не услышал. Сильно, что капилляры в глазах начали лопаться. Душа разрывалась от острой боли, и перед глазами все поплыло. Она вытирала слезы, но они не унимались. От адской боли в груди Маша повалилась на пол и начала задыхаться – слезы душили и обжигали лицо. Сердце так сильно билось, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Маша почувствовала себя невероятно одинокой и никому не нужной, не любимой – мусором, который никто не хотел даже выбросить. Так она и гнила здесь, у матери под боком, вместе с ней и ее жалкой жизнью.

Телефон завибрировал, и она потянулась к нему, надеясь, что кто-то позовет ее погулять. Кто угодно и куда угодно, лишь бы подальше от этой убогой квартиры.

«Ты подумала? Можем у меня затусить», – написал Данил.

Маша тут же ответила, что сейчас приедет.

Встала и прошла к столу. Вывалила из рюкзака форму, учебники, косметичку. Достала ватные диски и стерла размазавшийся макияж, нанесла новый и ярко обвела губы помадой винного цвета. Нижнее веко подвела белой подводкой и снова густо накрашила ресницы. Достала из шкатулки черное колечко, которое всегда носила на правой ноздре вне гимназии, и продела его. Расчесала волосы и посмотрела на себя. Из зеркала на нее смотрела роковая красотка с насыщенными янтарными глазами, с короткими черными волосами и помадой цвета вина, похожая на вампиршу, и это в себе Маша очень любила. Будто не она еще несколько минут назад хотела исчезнуть из этого мира. Переделась в свои лучшие дорогие вещи, снова натянула ботинки и вышла из комнаты, закрыв дверь на шпингалет. Прошла по осколкам от стекла мимо кухни. Услышала, как отчим зовет ее, захлопнула входную дверь и спустилась вниз.

На улице, когда она вышла из подъезда, в глаза ее ярко ударил свет от знакомых фар белого «Марка». Свет погас, и Маша разглядела Антона с Лерой. В блеклом свете фонарного столба из машины вылезла Лера и крепко обняла ее. Ее осветленные с желтизной волосы приторно-сладко пахли. Сегодня Лера подвела глаза синей подводкой и накрашила синей тушью, отчего ее и без того сапфировые глаза стали еще синее. Леру Маша очень любила, ведь они понимали друг друга как никто другой.

Родители Леры и Антона тоже запойно пили, а мать их пила даже во время беременности, потому на лице Леры было видно последствия пристрастие ее матери. Антон был старше сестры на год, но порок матери не отразился на его лице: он был чертовски красив. Как считала всегда Маша – страшно красив. Смесь такой красоты и дикого окружения делали из Антона жестоко нарцисса. Но Машу он любил, даже очень, что тоже ее не на шутку пугало.

Он вышел из машины, с улыбкой рассматривая ее, как гляцевую обложку. Его волосы, бритые почти наголо, были окрашены в блонд, в отличие от Леры, – в платиновый. В их районе по этой причине его прозвали просто «Белый». И он тоже любил татуировки, как и Маша.

– Ты куда? – Антон вопросительно уставился на нее. – Ты плакала?

– У Авроры день рождения, – напомнила Лера.

– Прости, – он провел пальцем по лицу Маши. – Я думал, Серега тебя обидел. Тогда бы я его убил.

– Все хорошо, – соврала Маша, потому что Антон и вправду бы его убил, а этого она ему не желала. – Я к Насте еду ночевать, чтобы не видеть эту их попойку. Сегодня то причина веселая, можно хоть всю ночь куролесить и страдать – и то якобы оправданно.

– Ладно, отвезем, садись.

Лера села сзади, а Маша – вперед.

Она не знала, что происходит между ней и Антоном после того поцелуя, и не была уверена в его значимости для них обоих. А Данил мог и вправду оказаться лучшим для нее вариантом, а Маше уж очень не хотелось повторить судьбу Авроры.

Антон потянул руку и крепко обхватил ее бедро у самого таза; она сжала его ладонь в ответ, чтобы не обидеть, ведь они все – друзья. Лера сидела сзади и громко смеялась, рассказывая о приключениях в колледже. Она была позитивной, считала Маша, наверное, потому что ее родители пили всю жизнь, и такая жизнь казалась ей привычной. Антон, в отличие от сестры, чаще хмурился, как и Маша, потому в него она и влюбилась. А еще он был сильный и в их районе самый крутой. Мог защитить от отчима и матери, хоть она этого и не просила. Всегда боялась того, что может сделать с ними Антон из-за нее.

Маша слушала смех Леры, но чувствовала себя плохо: из-за Авроры, из-за папы и из-за матери, которую она ненавидела, но все же еще очень любила. Папа однажды предложил снять квартиру, но Маша отказалась, потому что решила спасти маму. Если уйдет, мама точно умрет, а этого она не хотела. Слезы снова застлали глаза; яркие огни в темноте плыли, но Маша глубоко вдохнула, чтобы боль, сковавшая ребра, отпустила. Не помогло. Ей уже давно ничего не помогало.

За лесополосой показались разноцветные ряды гаражей. По грунтовой дороге, качаясь из стороны в сторону, они съехали вниз и остановились у гаража Антона, где вся их компания жарила шашлык и громко орала песни. Маша не успел выйти, как ее окружили пятеро друзей, обнимая и поднося к губам открытую бутылку пива. Запах, свербящий от матери этим вечером, вонзился в нос, и Маша упрямо отвернулась от бутылки и отошла в сторону. Дым от углей струился вверх, клубясь в пучине темных облаков и застилая алые следы исчезающих лучей солнца. Голоса ребят сливались в единый шум, пахло жареным мясом, музыка гремела из колонок, а Маша наблюдала, как ее юная жизнь ускользает и исчезает, оставляя лишь сожаления об упущенных возможностях. Хотелось смеяться со всеми, кружиться в вихре веселья, но в глазах все еще стояла пьяная мать, прижимающая фотографию Авроры к груди. Щеку жгло Сережиной пощечины, а в груди саднило так, что хотелось выплюнуть легкие и освободиться от этой нарастающей с каждой минутой тяжести.

– Что случилось? – Лера протянула бутылку вишневого пива, облизывая губы.

– Мать уже давно не просыхает, что еще могло случиться? – от усталости она взяла бутылку и сделала два глотка. – Сережа еще леща мне влепил за то, что их разгоняла.

– Урод, – Лера не удивлялась ничему, за свою жизнь видела и не такое. – Только Антону не говори. Он же убьет его.

– Конечно! Вот и промолчала.

Они оперлись о холодный бетон. Маша положила голову Лере на плечо и, наблюдая за мерцанием углей под шпажками шашлыка, принялась потягивать из бутылки, словно слоненок на водопое, наполняя себя легкостью, чтобы затуманить вечно бушующий разум.

Но эйфория не отпустила ее даже тогда, когда машина остановилась у огороженного элитного жилого комплекса, в котором жил Данил. Маша лежала на велюровом сиденье и наслаждалась его мягкостью, пальцами блуждая по ворсу, будто в бреду хватаясь за этот призрачный покой. Антон и Лера смеялись, наблюдая за ней. Маша тоже громко рассмеялась и посмотрела на Антона. Он улыбнулся, и эту улыбку она, наверное, любила. Потянулась к нему, и они горячо поцеловались, как тосковавшие друг по другу влюбленные. Открыв глаза, она увидела в его радужке свое радостное отражение. Наверное, это и была любовь, о которой все говорят и которую все хотят, но почему-то Маша не чувствовала ее в сердце.

– Позвонишь завтра? – шепотом спросил Антон.

– А я не знаю, – блаженно ответила Маша, вываливаясь из машины. – У меня уроки до пяти.

– Целую тебя! – крикнула с заднего сиденья Лера.

И Маша послала ей воздушный поцелуй, хлопнув дверью.

В квартире Данила свет лился лишь из его комнаты – пурпурным свечением, сочащимся из-под двери и струящимся по мраморной плитке. Они прошли туда, и его комната оказалась втрое больше комнаты Маши. Плазменный телевизор тянулся по всей стене, а длинный письменный стол под ним был заставлен одеколонами, аксессуарами и редкими учебниками. Имелась целая гардеробная и даже собственная ванная комната. Маша с одобрением кивнула и похозяйски завалилась на его широкую кровать, укрытую шелковой тканью серебристого цвета. Матрас был таким мягким и приятным, что Маша закрыла глаза на секунду и чуть было не провалилась в сон.

Данил сел напротив нее, широко расставляя ноги и изучая каждый миллиметр географии ее тела. Она нравилась ему, не выделяясь внешностью из толпы разношерстных красавиц, брала своим на редкость пламенным характером. Сама Маша вряд ли подозревала, сколько подобных Данилу мотыльков летело на ее внутренний огонь, что горел вопреки саднящим сердце печалям.

– Почему розовая подсветка? – она настойчиво открыла глаза, боясь уснуть.

Поднялась на локтях и заметила его пристальный взгляд с поволокой. Не отрываясь от нее, Данил достал пульт и нажал, и пол вспыхнул лазурным свечением, словно они оказались у бассейна в их гимназии. Маша внимательно посмотрела на Данила и почувствовала, что хочет его по-настоящему. И непонятно, что тому явилось причиной: мимолетная радость или истинные чувства.

– А тут свет есть?

– Зачем? – удивился Данил.

– Фильм будем смотреть, – рассмеялась Маша и снова упала на кровать.

Смех ее был столь заразителен, что и Данил рассмеялся тоже. Он включил телевизор, Маша подняла голову и прочитала «Кладбище домашних животных». Повернула голову к балкону с террасой, с которой открывался вид на бездонное черное небо, в эту минуту усеянное яркими звездами в стороне от неполной луны. Свет струился через оконную раму и падал прямо на постель – к Маше. Она подняла ладонь, наблюдая, как блеклый свет просвечивает сквозь ее пальцы. Было красиво. Кровать заскрипела, и Маша повернула голову обратно, встретившись с упорным взглядом Данила. Он навис над ней, расставив руки по бокам от ее лица, а слабый голубой свет играл в его васильковых глазах. Она улыбнулась и захотела его поцеловать. Потянулась к лицу и губами вцепилась в его уста. Кровать заскрипела под ними, и их томное дыхание в унисон разорвало тишину в огромной квартире. Неоновый свет дрожал сквозь ножки кровати, как и тело Маши, что пылавшее от истомы, пока Данил продолжал влюбляться в нее.

Глава 2.

Наутро голова ее кружилась, а во рту все пересохло. Она спустилась на пол и поползла к бутылке с водой у стола. Данил крепко сопел, а в квартире стояла звенящая тишина. Маша выпила воду до дна и прислонилась к холодной стене, тяжело дыша. Посмотрела на Данила и не поверила, что все это случилось вчера. Запустила пальцы в волосы и зажмурила глаза, обвиняя себя в распушенности и лицемерии. Если Данил и вправду был влюблен, то сама Маша этим утром не испытывала к нему ничего подобного. Ни к нему, ни к Антону, и последний факт испугал даже сильнее. Потому что она выросла из той компании с района; теперь Маша была гимназисткой до мозга костей, как Лена или Яна, или, что хуже, – как Оксана. Теперь все узнают о случившемся, и она уж точно не отмоется от грязи. И нельзя ей теперь быть с Данилом, потому что Антон его точно убьет, или сразу обоих. Ведь в отличие от нее – гимназистки до мозга костей, он все еще жестокий нарцисс с района. Маша встала, отгоняя эти мысли, тихо оделась и вышла из комнаты, из квартиры, из жилого комплекса и поехала на автобусе в свой район. Ей было интересно: если быть с Данилом, если это по-настоящему, станет ли ее жизнь лучше? Но как же мама? Нет, Маша не хотела перестать спасать маму, потому что Аврору она не спасла, так может, маму еще удастся. Да еще и Антон, который убьет их с Данилом, если узнает.

Маша остановилась у подъезда и закатила глаза из-за комментариев бабки со второго этажа, что она такая же маргиналка, как и ее мамаша.

– Я Александру расскажу, какая дочка у него растет, – кричала бабка.

Маша вытянула средний палец и показал ей; та аж ахнула и спряталась, захлопнув балконную дверь.

В этот день тренировка была в конце уроков, потому Маша сразу пошла в столовую, где нашла Милу с Настей и заодно спряталась от Данила.

– Не завтракала, что ли? – спросила Мила, жуя булку и запивая морсом.

– Вас забрать пришла, – закинула ноги на соседний стул. – Дадите списать домашку по химии?

– Запросто, – Настя достала из рюкзака тетрадь и бросила на стол. – Смешные истории будут?

– О ком? – нахмурилась Маша, испугавшись, что все уже знают про Данила.

– Про Антона этого, – Настя подкрасила губы блеском. – Не виделись?

– Да пошел он.

– Ты покраснела, значит было, – широко улыбнулась Мила.

Кровь прилипла к лицу Маши, но она настойчиво все отрицала, ведь с Антоном и вправду ничего не было.

Настя кивнула, улыбаясь:

– Точно было.

– Говорю же, что нет, – настаивала она.

– И как? – оживилась Мила.

– Жопой об косяк, – емко ответила Маша и встала из-за стола. – Уже на урок пора, пошли.

Они поднялись по чистым белесым лестницам на второй этаж, где пахло свежей краской. Прошли вдоль разрисованных стен, на которых улыбались пловцы, и завернули в узкий закуток. По обеим сторонам коридора, под самым потолком, светились небольшие окна, через которые доносился гам школьников. Завернули налево и столкнулись с Сашей и Данилом. Маша испуганно отступила и врезалась в Настю, а Настя – в Милу, и все трое завизжали. Данил ухмыльнулся, прикусив нижнюю губу, с незнакомой ей прежде нежностью рассматривая ее. Маша проигнорировала крепкое словцо подружек и в один миг оказалась в объятиях Саши, крепко прижавшись к нему. Смотрела в стену, но отчетливо видела боковым зрением, как обескуражен ее поведением Данил.

– Тише, Оксана убьет, – хихикнул Саша и отодвинулся, улыбаясь. – Как дела?

Он определенно ничего не знал. Данил убрал руки в карманы и зашел в класс, отчего Саша вопросительно проводил его взглядом.

– Что с ним?

Настя и Мила зашли в класс следом.

– Ты увел его девушку, – Маша поджала губы и игриво повела бровями.

– Брось, ты ведь знаешь, что это не правда! – выпалил Саша.

– А что же правда? – улыбнулась она.

– Он ее бросил, потому что она напилась на вечеринке на Бали и переспала с каким-то типом. Потом случилась одна неприятная ситуация, я ее поддержал, и вот.

– Нынешние школьницы такие забавные, заметил? – наигранно разговаривала Маша. – Теперь и я хочу на Бали.

Саша прыснул смехом.

– Ты выше этого.

– Мы все еще говорим о твоей девушке, – притворно шепнула она. – Сразу видно, между вами большая любовь.

Саша закатил глаза, толкая ее бедром в бок:

– Она хороша в другом.

Они вошли в класс, и Маша подмигнула ему:

– И не стыдно? Мы ведь дети.

Саша засмеялся, и три десятка глаз в классе уставились на них.

Оксана нахмурилась, с вызовом разглядывая обоих. Встретившись с ее глазами, Саша мило улыбнулся, и от этого Маша чуть не подавилась смехом.

– И что смешного, зэчка? – раздраженно протянула Оксана.

Класс разразился хохотом, потому что так Машу вчера назвала Дмитриевна при всех.

– Шутки – не твой конек. Лучше займись тем, что у тебя получается лучше всего, – снисходительно ответила Маша, проходя мимо и усаживаясь за парту с Мишей – перед Данилом.

– И что же у меня получается лучше всего? Молчать? – надменно изогнула бровь.

– Не скажу, тут же дети сидят.

Саша покраснел и отвернулся, разглядывая жалюзи. Класс снова разразился хохотом. Оксана вскочила со стула, покраснев от ярости, и потянулась к волосам Маши, но Данил встал перед ней и небрежно откинул ее руки.

– Что ты ей рассказал? – прокричала она Данилу.

Маша смеялась, наслаждаясь ситуацией. Почему-то ей доставляло удовольствие изводить всех и каждого в их классе. Считала их избалованными мажорами, которым в тайне завидовала за родительскую любовь, но за это и унижала, глядя в глаза.

Оксана отступила от Данила, бросив взгляд в ее сторону, и вернулась за парту. Яна внимательно наблюдала за ними и кривила губы. Данил повернулся, и от его серьезного вида у Маши испортилось настроение. Она отвела взгляд и не решилась заговорить. Не потому что хотела оттолкнуть, а потому что на самом деле не была уверена в своих чувствах и не хотела зря портить отношения с тем, с кем до вчерашнего вечера они очень хорошо дружили. Да еще и этот Антон, которого, возможно, она как раз и любила по всем канонам. Связалась с ним, пока были каникулы, и она не хотела торчать дома с матерью, пока папа с новой семьей отдыхал в Таиланде. Впрочем, она не хотела думать об этом.

После пятого урока все девочки заперлись в раздевалке, где ядовито подкалывали друг друга и делились секретами, такими незначительными, что Маша их не понимала. Яна рассказывала всем, как добавилась в друзья к новому тренеру, но он ее не принял. Она крутилась в центре раздевалки, щеголяя в нижнем белье, и клялась, что переспит с ним, ведь ей уже восемнадцать, в отличие от них всех – семнадцатилетних малолеток. Маша не смогла промолчать и громко рассмеялась, пока остальные восторженно внимали клятвам Яны.

– Че смешного? – огрызнулась та на нее.

– Это звучит как бред, – честно призналась Маша.

Яна оперлась в бока и вскинула подбородок. Она, в самом деле, выглядела старше всех: загорелая, высокая, с упругими формами и длинными ногами. С миндалевидными глазами цвета застывшей лавы и вьющимися черными волосами, которые упрямо укладывала гелем, прежде чем надеть резиновую шапочку. А еще она колола пухлые губы, но это было не ново для их класса.

– Не завидуй, Маша, ведь это так очевидно, что ты – последняя, на кого может взглянуть наш красавчик-тренер.

– Мне это и даром не надо, – она закатила глаза и натянула шапочку на заплетенные волосы.

Они прошли к бассейну, где их уже ждал Игорь Андреевич. Маша впервые присмотрелась к нему и заметила, что он не был карикатурным красавцем, как их одноклассники, или другие мужчины, что нравились ее ровесницам, но обладал магнетизмом и харизмой. Был сдержан, в меру эмоционален и, вроде бы, профессионален. И в принципе являлся одним из немногих мужчин-преподавателей в их гимназии. Проходя мимо, она ненароком заглянула в

его лицо, и Игорь Андреевич посмотрел на нее в ответ. Когда их глаза встретились, Маша вздрогнула, испуганно отвела взгляд и уткнулась в пол, даже не обратив внимания на едкий комментарий Яны в адрес тренера. В ушах у нее гроыхало от сердцебиения, и потребовалось несколько секунд, чтобы вернуться на эту планету.

На тренера она старалась больше не смотреть, даже когда он обращался к ней. Когда его бархатный, но требовательный голос называл ее имя, у Маши все тело не слушалось, кожа покрывалась мурашками и будто кололась изнутри. Стоило ему опуститься на корточки перед ней, пока она была в воде, дыхание сбивалось, и совладать с собой никак не удавалось, будто нервные окончания блокировали разум. Маша пугалась этого, даже не желая думать, к чему такая реакция и что она значит. В конце тренировки она не выдержала и обернулась лишь раз, уходя, чтобы наконец разобраться, что же с ней происходит. Но сзади шел Данил и взгляд ее растерянных глаз принял за чувства к себе. Он улыбнулся, и лицо ее запылало от неловкости. Приблизился к ней и шлепнул по попе.

– Ты что делаешь? – возмутилась Маша.

Метнула взгляд за его плечо и со стыдом обнаружила, что Игорь Андреевич все видел. Он поспешно опустил взгляд к тетради, а у нее уши вспыхнули. Она смущенно отвернулась и встретилась взглядом с Оксаной, которая тоже все увидела. Но в ее глазах пылали языки пламени.

Руки Маши не слушались, сердце трепетало в груди. Она корила себя за возникшие чувства к собственному тренеру. Нестерпимый стыд, ведь она, так насмехавшаяся над всеми влюбленными глупыми одноклассницами, сама стала такой же. Да еще и в кого – в Игоря Андреевича! Лицо пылало, все тело била мелкая дрожь. Маша долго стояла в душе, пытаясь унять беспокойное сердце и убедить разум прекратить эти опасные чувства. Выйдя из душа, она обнаружила пустую раздевалку, у выхода из которой стояла Оксана со своей свитой.

– И что, драться будем? – небрежно бросила Маша, абсолютно не желая сейчас разбираться.

– Так ты серьезно спала с Данилом? – спросила Оксана с яростью, какой прежде у нее не было.

Маша тяжело вздохнула. У нее не было сил на эту ерунду, ее не волновал Данил и чувства Оксаны, ведь собственные чувства были куда большей проблемой.

– Ты определись, со всем классом или с ним одним, – Маша надела топик, натянула трусы.
– И в чем твоя проблема? У тебя новый парень, и ты выбрала самого адекватного, в чем дело?

– Не юли, а отвечай, – Лена хмуро смотрела.

– Боже мой, какие ты классные словечки знаешь, – с наигранным восторгом сказала Маша. – Так в чем дело? Боишься, что со мной ему понравилось больше?

– Какая же ты сука! – Оксана вцепилась в ее волосы и повалила на пол.

От удара кулаком в бровь у Маши замерцало в глазах, но, вопреки боли, из нее вырвался только яростный истерический смех. Оксана завелась сильнее, размахивая своими тонкими неумелыми кулаками, стараясь ее заткнуть, а Маша все не унималась, достигнув пика эмоционального напряжения.

– Я люблю его, дрянь, какая же ты шлюха!

– И Сашу? – Маша ржала как умалишенная.

– Закрой свой грязный рот, – не унималась Оксана.

– Что вы делаете!

Игорь Андреевич ворвался в раздевалку и оттащил Оксану. Яна и Лена испуганно попятись к выходу, совсем не ожидая такого поворота. Оксана утирала слезы, сотрясаясь от злости, пока тренер заслонял собой хохотавшую Машу.

Отчим, мать, отец, Аврора, Антон, Данил, теперь и Оксана. Все что-то хотели от нее, доставали, и всех она уже ненавидела. Глаза заполнились слезами, но смех продолжал душить; боль давила, будто на нее упала арматура. Маша с горечью вспомнила, кто она, откуда и на что похожа ее жизнь.

– Вот отсюда, – не церемонясь, приказал тренер. – А ты, Оксана, завтра с родителями ко мне. И к директору.

– Не надо, пожалуйста, – ее голос дрожал, такой жалкой она оказалась. – Она первая набросилась на меня.

Маша знала, что и он ей поверит.

– На выход, – его тон не предполагал сопереживания, и, что еще страшнее, Маша поняла, что он не поверил Оксане.

Страшнее, потому что, вопреки разуму, в ней вспыхнула надежда – пугающая и сильная, какой она еще не ощущала.

Когда раздевалка опустела, тренер повернулся и наклонился к ней, помогая подняться. Усадил на скамейку и внимательно, как под лупой, осмотрел лицо.

– Подожди тут, – скомандовал он.

И Маша послушно осталась ждать, считая удары собственного сердца, но не поспевая за его ритмом. Тренер быстро вернулся и сел перед ней на корточки. Маша смотрела в сторону, умоляя себя и высшие силы, чтобы он ничего не понял, чего она и сама понять не хотела. Запахло перекисью, и пальцы тренера прижали ватку к ее разбитой губе. Она терпеливо сидела, не шевелясь, потому что и залечивать раны привыкла: били ее не впервые. Игорь Андреевич приблизился, подул ей на рану, чтобы облегчить боль, и тогда их глаза снова встретились. Машу бросило в жар, и он сдвинул все под грудной клеткой. Она не отвела взгляда, потому

что не смогла. И он тоже смотрел на нее и ничего не комментировал, бережно прикладывая ватки к ранам и осторожно согревая их своим дыханием. Он поднялся выше – на уровень ее лица – и приложил ватку к брови. Маша смотрела в выразительные глаза небесного цвета и не дышала. Почувствовала его аромат, и голова у нее закружилась – все вокруг теперь пропахло им, заползло внутрь и смешалось с кровью. Она не поверила в происходящее и снова взглянула ему в глаза, чтобы удостовериться в собственных чувствах. И он перестал дуть, посмотрел на нее в ответ и задержал руку над ее бровью. Его глаза медленно скользнули к ее губам, и он тут же отстранился. Маше уже мерещилось все подряд, и она сомневалась, действительно ли это увидела.

– И что случилось? – наконец заговорил он и повернулся к ней снова, беспристрастно убирая вату и перекись обратно в аптечку.

– Не знаю, – соврала Маша и отвернулась к своему шкафчику, доставая вещи.

– Не ври, Маша, – назвал ее по имени, и внутри у нее кровь забурлила. – Я тебя не сдам, не переживай, но мне надо знать, почему мои ученицы дерутся в раздевалке. Из-за сына начальника завода?

Маша обернулась.

– Как вы поняли?

– Сделал вывод и, как видишь, правильный, – он покачал головой, смотря на нее. – И часто с тобой такое случается?

– Впервые, – заулыбалась и отвела взгляд. – Игорь Андреевич, спасибо за помощь, но мы с Оксаной всегда друг друга не любили. Я нравлюсь парню, с которым она встречалась, вот у нее и сорвало крышу. Уверена, такое больше не повторится, потому что я обычно себя в обиду не даю.

– Обычно? – он печально посмотрел, так что Маше стало тошно от самой себя. – Свою маму завтра приведи, с ней тоже поговорю. Это уже ненормально – драться в раздевалке. Родители приведут вас в чувство.

– Мама не сможет прийти, она болеет, – солгала, как лгала все годы, что мама не выходила из запоя, прекрасно существуя на копейки вечно сменяющихся своих мужчин.

– Папа пусть приходит.

– Он занят важными делами, не сможет прийти, – пожала плечами.

– А ты не важное дело?

Ее будто ударили по лицу, и большее, чем это сделала Оксана. Маша обернулась, Игорь Андреевич смотрел на нее с сожалением, и этим вывел ее. Ей не нужна была ничья жалость, потому что никто даже примерно не представлял, что ей пришлось пережить за эти семнадцать лет. Со всей силы она ударила дверцей шкафчика, переступила через скамейку, не слыша голоса разума, подошла к нему.

– Меня не надо жалеть, Игорь Андреевич. Хотите, пригласите папу, попытайте удачу и попробуйте пригласить маму, но не смотрите так, будто я бедняжка.

Он кивнул.

– Хорошо, как скажешь, без твоих родителей обойдемся, – Маша удивилась, неужели он прислушался. – Но если еще раз увижу, что тебя обижают, будь то сын начальника завода или твои одноклассники, позвоню твоему отцу, и его единственным важным делом станет встреча со мной.

– Тогда вам повезет. Познакомитесь, сами знаете с кем, – она ткнула пальцем в потолок.

Он внезапно заразительно рассмеялся, от чего на лице Маши застыла глупая улыбка. Заметив это, Игорь Андреевич вновь надел маску сдержанного тренера.

– Не создавай проблем себе, Маша.

С легкой улыбкой кивнув, он вышел из раздевалки, и она смогла переодеться. Посмотрела в зеркало и увидела, что Оксана рассекла ей бровь и губу, но это были мелочи, все заживет, она точно это знала. А вот что делать с возникшей тягой к собственному тренеру, понятия не имела.

К шести вечера на улице уже стемнело. Маша, кутаясь в куртку, вышла из гимназии. Ветер тербил ветви лиственницы над ней, а прохладный воздух обжигал горящие раны на лице. Необъятное небо прорезали фиолетовые мазки, а звезды рассыпались над многоэтажками, что стремились ввысь. Начинался дождь. Маша посмотрела по сторонам и убедилась, что Оксана со своей свитой ушли. Ее подруги – Насти и Мила – тоже. Подруги, которые и понятия не имели, что творилось в раздевалке. Такие же подруги, какой и сама была для них Маша – сомнительной. В ее жизни по-настоящему лишь одна Лера была ей подругой, заслуживающей доверия.

У калитки, под фонарем, переминался Данил. Он явно ждал ее. Маша замерла на ступеньках, ведь за оградой, к тому же, стоял белый «Марк» Антона, из окна которого тянуло дымом.

– Очная ставка, дамы и господа, – шепнула она и сделала шаг вниз.

Не знала, что ее тревожит больше. Требовательная привязанность Данила или ревность Антона, способного на все? С другой стороны, кто ей Антон такой, чтобы отчитываться перед ним? Спустилась еще на ступеньку. Отказать Данилу – значит потерять друга и сесть к Антону, требующему ответа. Шаг за шагом, она приближалась к неизбежному выбору. Слишком хорошо знала Антона и потому боялась за Данила. Ступени закончились, и ей пришлось ступить на асфальт, прямо к ожидавшим ее парням. Дождь тем временем усилился, и Маша от досады просто сдалась. Теперь ей придется сесть к Антону, чтобы не промокнуть. Какого черта он тут вообще забыл?

– У тебя нет зонтика? – сзади нагнал тренер и прикрыл ее своим зонтом.

Маша замедлила шаг и посмотрела на него с благодарностью за неожиданную помощь.

– Забыла.

– Тогда провожу до остановки, – тепло предложил он.

Хоть она и не улыбалась, но внутренне обрадовалась.

– А вон и звезда сегодняшнего мероприятия, – кивнул он в сторону Данила.

И тот его тоже заметил, насупив брови.

– Тебя ждет? – спросил Игорь Андреевич.

– Нет, – соврала Маша и прямо посмотрела на него. – Вы раньше тренировали только детей, а почему решили перейти к нам?

В его глазах она видела свое отражение. Красивое и юное, такое несчастное. Треснутая губа и ссадина над бровью, глаза, полные злобы, – кому такая может понравиться? Только самовлюбленному мажору с раздутым эго или неадекватному красавчику с нарциссическим синдромом.

Игорь словно читал ее мысли, потому что не спешил ответить, а лишь внимательно смотрел на нее. Капли дождя стекали по плотной ткани зонта, скатываясь прямо на ее руки, и она машинально схватилась за его ручку. Рука Игоря дрогнула под ее ладонью, и она испуганно одернула ее.

– Так вышло, – просто ответил он и отвел взгляд.

Перед ними возник Данил, оценивающе оглядел ее лицо и протянул руку:

– А что с твоим лицом?

Она отстранилась, краснея при мысли, что Антон все видит, и Игорь Андреевич тоже.

– Небольшой спарринг с твоей бывшей, – едко бросила, желая поскорее от него избавиться. – Ты что тут торчишь?

– Это Оксана сделала? Ну и дура.

– Следи за выражениями, – сдержанно обратился к нему тренер.

Данил с насмешкой и высокомерием взглянул на него, как на грязь под ногтями:

– А я тебя вот и не заметил, Андреич. Только давай без позерства перед дамой; ты всего два дня с нами, а уже порядком поднадоел.

У Маши перехватило дыхание от его наглости. Она заметила, как это неуважение больно задело их нового тренера. И эта последняя капля мгновенно склонила чашу весов в сторону Антона, молча наблюдавшего за их разговором.

– Какой же ты урод, – прошипела и своим резким взглядом вернула его на землю. – Ты кто такой, чтобы так разговаривать?

Брови у Данила взлетели, а Маша с улыбкой поблагодарила растерянного Игоря Андреевича и на глазах у обоих села к Антону в машину. И для верности чмокнула его в щеку. Не глядя больше на них, боясь увидеть на лице Игоря Андреевича равнодушие, злясь на Данила и его невоспитанность, рассматривала профиль Антона, и таким он ей «своим» показался, что стало легче. Он не ее тренер, с ним можно быть. Между ними определенно есть чувства, и он не такой нахал, как Данил. Обманываться этим Маша была рада, и потому всю дорогу до дома расспрашивала Антона о его делах, узнавая, что случилось с ним за те короткие недели разлуки. Впервые тот не закатил ей истерику из-за ревности, и это Машу тоже подкупило.

Из квартиры доносился запах еды, что было удивительно, ведь готовила почти всегда одна только Маша. Она разулась и осторожно открыла дверь. Мама на кухне суежилась у плиты, смотрела «Первый канал» и была в весьма приподнятом настроении. Улыбка просияла на лице Маши, но она спрятала ее, как только их взгляды встретились.

– Привет, кушать будешь? Я суп сварила.

Мама вытирала руки об фартук, оставляя на нем белесые следы. Маша скинула куртку и помыла руки. Послушно, как в детстве. С трезвой мамой – тоже как в детстве. На кухне так давно не пахло маминой едой, что Маша прикрыла глаза и глубоко вдохнула аромат горькой заправки, мяса и бульона. Жар исходил от плиты, громко вещали новости, а она все дышала этим вечером и не могла надыхаться. Давно ей не было так тепло и спокойно дома, так безопасно. Мама улыбнулась, поставив перед ней тарелку с супом и пиалу с хлебом. Осознанный материнский взгляд скользнул по ее лицу, и Маше на минуту стало стыдно, что в такой радостный момент она сидит со ссадинами.

– Что случилось с тобой? – мама обеспокоенно осмотрела ее.

А когда прикоснулась к ее губе пальцем, Маша чуть не заплакала. Мамины руки сладко пахли детством и супом. Они были такими теплыми и любящими, а она ведь совсем позабыла об этом ощущении материнского тепла. Настоящая мама!

– Одноклассница приревновала своего бывшего и набросилась, – Маша не шевелилась, боясь спугнуть этот миг.

– Тебе нужна помощь? – спросила и наклонилась, внимательно осматривая.

– Нет, – ответила, сдерживая слезы.

Янтарные глаза мамы, совсем как у нее, смотрели в ее глаза и ясно блуждали по лицу. От нее не пахло едким перегаром, которым в последние месяцы мама пропиталась насквозь, и ее одутловатое лицо выглядело лучше обычного. Мама посвежела всего за одну ночь.

– Я рада тебя видеть, – улыбнулась Маша и почувствовала себя счастливой.

Маминой.

– Приятного аппетита.

Мама вернулась к плите и продолжила что-то мешать в миске. Устало вздохнула и убрала волосы, прилипшие к вспотевшему лбу.

В тарелке у Маши плавал большой кусок говядины и маленькие макароны в виде солнца. Она поймала одну и съела вместе с куском. Вкусно. Поймала лук и убрала на край тарелки, потому что терпеть его не могла.

– Ты ведь любишь лук, – улыбнулась мама, глядя на нее.

Маша сглотнула и не решилась поднять глаз.

– Я не люблю лук, – все счастье испарилось в одно мгновение, стоило ей произнести это.
– Это Аврора любила лук.

Мама резко швырнула ложку в раковину, посуда зазвенела, задрезжала. Маша даже не дрогнула, давно привыкнув к таким срывам.

– Машка, какая же ты сучка, – прошипела мать, продолжая улыбаться, как ни в чем не бывало. – Поэтому тебе рожу-то твою и раскрасили.

Она подошла к ней, и Маша запрокинула голову, чтобы разглядеть ее лицо.

– Я думала, ты мне подыграешь. Сделаем вид, что мы нормальная семья, – мама криво улыбалась. – Зачем всякий раз напоминать мне о своей вине?

– И в чем же моя вина? – Маша поджала губы от досады.

– Ты виновата в том, что твоя сестра умерла.

Маша прикрыла глаза, все вокруг закружилось, а мама внезапно ударила ее по лицу. Щека вспыхнула, но она даже не дрогнула, привыкнув, что ее мама абсолютно больна. И, к ее сожалению, уже не способна была выздороветь.

– Не смей! Смотри мне в лицо, дрянь, – мама тыкнула в нее пальцем, глаза ее бешено метались.

Ударил ее по другой щеке, и Маша зажмурилась, позволяя себя бить. Жар пылал на лице, а от соленых слез жгло щеки. И, вопреки желанию, она никак не могла их остановить.

– Ревешь? Не понравился суп? – мама кричала, совсем неправдоподобно, будто сошла с экрана телевизора.

Схватила ее тарелку и швырнула в раковину. Суповые солнца поползли по грязному кафелю, стекая в раковину. Маша вытерла слезы, запихнув боль глубоко, туда, где всегда закрывала ее на засов уже семь лет. Сглотнула и посмотрела на маму равнодушно, как на душевнобольную, а та все не унималась.

– Заколебала ты меня, почему твой папаша не заберет тебя? – Маша молча впитывала материнскую злобу. – Сидишь тут, ходишь, раздражаешь. Лучше бы ты умерла, а не моя Аврора. Дура ты бестолковая, Машка.

– Я не заказывала концерт, и платить за него тебе не буду, – равнодушно подняла брови, ведь научилась язвить именно в этих отношениях.

– Дрянь, закрой свой рот, – мама брызгала слюной. – Тебя так папаша научил дерзить? Суки! Я хотела развестись с козлом Кондратьевым и уехать с Авророй в Питер, но нет, родилась ты. Пришлось сохранить семью с этим козлом. Моя красавица Аврора настрадалась от нашей поганой семьи, все из-за тебя. Если бы не ты, моя дочь была бы живая.

– Во вьетнамской войне тоже я виновата.

У мамы полопались капилляры в глазах от ее безразличного тона. Она схватила себя за волосы, и ее всю затрясло. Маша отломил кусок хлеба и стала жевать. Чавкая, чтобы еще сильнее довести мать, с наслаждением наблюдая, как у той лопаются терпение.

– Ты тупая, Машка, тупая! – кричала мама, заметавшись по кухне. – С тобой даже нормально нельзя поговорить. С Авророй всегда было можно. И ее все любили. Она была красавицей. У нее никогда не было лица в синяках и этих твоих страшных наколок по всему телу.

– Мы нормально говорим на языке белой горячки, – равнодушно парировала Маша, чувствуя, как еще немного – и сама расплечется перед неадекватной матерью.

– Все! Надо выпить! Довела ты меня, дрянь, – мама выбежала из кухни, как ужаленная. – Может, у Людки есть водка. И не смей жрать суп! Это Сереже.

Когда дверь хлопнула, Маша запрокинула голову и закрыла глаза, медленно считая про себя до ста. Мама редко приходила в себя, и сейчас был не тот случай. При выходе из запоев она всегда срывалась на нее и говорила гадости, в которые Маша не верила, но все же винила себя. За Аврору и за мамины запои. Дерзкий язык – единственная защита, которой она обзавелась после смерти сестры.

В голове стучало, больно отдавало в висках, а по шее будто полз холод. Машу затошнило от нервов, руки заledenели, сердце неистово рвалось из груди. Хотелось ей опустить лицо на липкий стол и зареветь. Дверь, запертая Машей глубоко в душе, отворилась, и вся накопленная боль хлынула наружу. Дико заскребло в душе. До крови. До самого мяса. Она прижала ледяную ладонь к пылающей груди и попыталась успокоить себя, коснуться сердца и остудить его. Попросить его не разбиваться снова.

Чьи-то холодные губы коснулись ее лица над верхней губой, и Маша вскочила со стула, переполошившись.

– Ты чего? – грязно рассмеялся отчим Сережа. – Мамка с похмелья опять белку ловит? – он сел за стол. – Поддай-ка мне супу, красавица моя.

– Я не твоя красавица, – выплюнула Маша.

– А чья? – он хихикнул.

Омерзительней всего было то, что он был абсолютно трезв и адекватен в своих поступках. Маша вытерла рукавом свои губы, и ее затошнило сильнее. Суп поднялся к горлу, все вокруг закружилось.

– Антона, – она выпрямилась. – Еще раз прикоснешься ко мне, я ему все расскажу, и он тебя прирежет. Верить?

Отчим испуганно огляделся по сторонам, будто Антон мог быть где-то поблизости. Его, как и всех алкашей на районе, пугала репутация Антона. Потому что отец его служил в Чечне, и все считали, что его безумие передалось сыну по крови.

– Ладно тебе, это был отцовский поцелуй.

– Урод, – взвыла Маша и вышла из кухни.

Хотела хлопнуть дверью, но вспомнила, что уже разбила в ней стекло. Прошла в комнату, закрыла дверь и упала на кровать, окруженную плакатами и фотографиями сестры. Среди ее собственных медалей и наград Авроры. Слезы хлынули по лицу, и Маша всхлипнула. Сквозь узкую щель в той самой двери выползала боль. Лилась через глаза и стекала по щекам, промокшая алый плед. Если бы она умерла вместо сестры, тогда бы все были бы счастливы. Эта мысль душила, а глаза царапали слезы. Чувство ответственности за всю семью тяжело давило на грудь. Она поднялась, стараясь глубоко дышать, потому что воздуха в этой комнате внезапно стало не хватать. Бросилась к хлипкой форточке и открыла ее. Внутри повалил холодный воздух, и Маша стала жадно его глотать. Горящие легкие остужались, из головы уходила тяжесть, и теперь ее всю затрясло. Она села под форточкой у стола и обняла себя за плечи, представляя, как это делала раньше Аврора. Всегда обнимала ее, маленькую, посреди родительских криков. Когда мать еще не была запойной алкоголичкой, а отец – был еще отцом.

Телефон завибрировал, и Маша нехотя потянулась к нему. В беседе их класса кто-то скидывал домашнюю работу, но ей было безразлично это. Пусть ее выгонят, пусть прогонят из города и вышвырнут с этой планеты, может, тогда чувство вины ее не сможет ее догнать. Аврора лежала на железнодорожных путях и винила в этом маму и папу, а теперь эта вина осталось на плечах у Маши. Передалась по наследству.

Теперь написал Антон. Позвал ее в клуб, но она ничего не почувствовала. Оказавшись на пределе, внутри нее не осталось ничего – ни для Антона, ни для Данила. Возможно, в Маше совсем не осталось любви. Написала Лера – привычно отправила сердечки и позвала в клуб, где работала за барной стойкой. Ей Маша ответила, потому что все-таки любила.

– Мать бесится? Забей, приходи, я тебе налью коктейль за счет заведения, выдохнешь, – написала Лера.

– Хочу умереть, Лер, – со злости написала Маша, потому что только с ней была настоящей.

– Однажды все умрем, давай лучше жить, – и в конце отправила подмигивающий смайлик.

Маша улыбнулась и пообещала прийти, то же самое написала и Антону. Убрала телефон, но он снова зазвонил. Оксана. Вот это номер. Маша даже улыбнулась от удивления.

Та виновато вздохнула в трубку:

– Извини меня за сегодняшнее, я взбесилась из-за него. Не хочу, чтобы у меня были проблемы в гимназии. Тем более, если ты расскажешь своему папе, мне будет полный капец.

Маша усмехнулась; папе было бы плевать, но никто из одноклассников в это не поверил бы.

– Мне плевать на твои проблемы, у меня их хватает, поэтому давай забудем, – она уже собиралась отключить ее, не имея сил обсуждать эту мелочь.

– Только потому, что ты искреннее любой из нашего класса, дам тебе совет – не связывайся с ним. Он – мудака, – Маша усмехнулась, продолжая слушать без интереса. – Летом я застала свою лучшую подругу в его квартире. Яна сделала вид, что ничего не случилось: «Разве я дура, чтобы жертвовать нашей дружбой из-за мужика, Оксан?» А как на счет того, что это был мой парень, а не «мужик»? – голос ее дрогнул от ярости. – Данил же просто написал сообщение, в котором уведомил меня о конце наших отношений. Вот так, спустя три года, когда я терпела все его измены и неуважение, потому что любила, он поступил со мной, как с мусором. Взял и выбросил. А Яна гнет свою линию дальше, мол, ничего у них не было.

– Расслабься, меня не волнуешь ни ты, ни твой бывший, – Маша легла на постель, раскинув волосы. – Возьмись за голову, Саша – хороший парень. Не будь дурой, как твоя ненормальная подруга, – имела в виду Яну.

– Я знаю, вот бы и ты слушала свои советы и выбирала хороших парней, а не отбросов нашего города.

Маша ухмыльнулась:

– Спасибо за совет, подруга.

Оксана засмеялась, и впервые ее смех не показался Маше злым и неприятным. Из-за чего между ними была такая долгая вражда? Ведь в Оксане, несмотря ни на что, Маша всегда видела личность, и, в отличие от остальных, та не скрывала ее за мишурой показной крутости,

родительских денег и другой атрибутикой золотой молодежи. Маша положила трубку с сомнительным чувством удовлетворения, рассматривая извилистый потолок.

Длинные синие стрелки поверх густо покрашенных ресниц делали глаза Маши больше и выразительней. Она надела кольцо в нос, натянула на короткий топ прозрачный лонгслив черного цвета и расправила короткие волосы. Девочки в ее классе часто хвастались, как научились укладывать волосы модным и дорогим феном, но Маша ничего в этом не понимала, поэтому делала так, как умела. Закрывает дверь в комнате и прошла в кухню, нанося блеск на пухлые губы. Сережа взволнованно смотрел на нее, натягивая майку на волосатый живот. Мать и тетя Люда сидели и курили прямо в кухне. Знакомая дикость, к которой Маша уже привыкла.

– Вырядилась, шалава малолетняя, – бросила мать, глядя на нее, как на уродину. – Принесешь в подоле, обоих выкину.

– Нормально выглядит. Секси, – покраснел Сережа.

– Где там секси увидел? – заржала тетя Люда. – Секси – вот, – указала на свою огромную грудь.

Маша показала им средний палец.

Тетя Люда заморгала, словно рыба в аквариуме. Мама захотела возмутиться, но ее резкий взгляд заставил ту проглотить слова.

Внизу Машу уже ждал Антон. В свете фар он казался еще красивее, чем она думала. Высокий, с широкими плечами, совсем не похожий на других в их районе. Заметив ее, оценивающе окинул взглядом наряд. Не сказав ни слова, они сели в машину.

– Не нравится, как выгляжу? – спросила Маша.

Достала с заднего сиденья припрятанное Антоном пиво и открыла. Оно зашипело, пена хлынула наружу, и Маша принялась слизывать ее языком.

У Антона внутри все перевернулось. Животное желание наполнило его тело.

– Слишком откровенно – все будут разглядывать твои татуировки.

– А минусы будут? – Маша рассмеялась, показывая идеальные зубы.

Антон не стал развивать эту тему. Ему хотелось, чтобы Маша снова была его. Тогда уж он будет указывать ей, как себя вести и что носить.

– Этот мажор у калитки, который тебя ждал, как пес.... У вас что-то было? – внезапно спросил, не отрываясь от дороги.

– Нет, – безразлично ответила она, открыла окно и впустила в салон струю свежего воздуха.

Ей было все равно на вопросы Антона, будто она разучилась чувствовать что-либо после семейного ужина с мамой. Она прибавила громкости и запела припев на английском, отчеканивая каждое слово. Антон улыбнулся, потому что был по уши влюблен.

В клуб ее, несовершеннолетнюю, пустили, потому что Антон был своим для охраны, а за баром уже полгода работала Лера, которой исполнилось не так давно восемнадцать. Маша буквально врзалась в барную стойку, перепугав Леру. Та улыбнулась и потянулась поцеловать ее, не переставая мешать коктейль. Лера подождала жидкость, ловко переставила рюмки, вручила парню у бара трубочку, и тот с жадностью выпил, а затем вдохнул пары этого безумия в себя. Радостно крикнул и прильнул к губам Леры. Та опешила и заразительно рассмеялась. Антон сжал кулаки, краснея от злости. Маша ржала, как ненормальная, потому что ей стало по-настоящему весело.

– Ты такая красивая, – она рассматривала светлые волосы Леры, усыпанные блестками, и розовые блестящую подводку между ресниц.

Лера смутилась, готовя очередной коктейль. Ее руки ловко вращали бокалы, жидкость переливалась из разноцветных бутылок. На запястье, поверх ее шрамов от несчастливой любви, красовалась надпись «MaPa». Так они называли друг друга, и дружба с Машей была самым дорогим, что у Леры было. Антон запыхтел, когда Маша принялась заказывать все более крепкие коктейли. Так сильно ей хотелось забыться и стереть из памяти мамины слова. Она наклонялась к стойке и шептала Лере сплетни. Лера громко хохотала, закатав рукава. На каждом ее пальце было причудливое кольцо. Рядом стояла банка с надписью «Лере на театральное». Маша достала из кармана пятитысячную купюру и сунула в банку. Лера отнекивалась, но Маша настаивала: папа заплатит.

Спустя два часа и множества выпитых шотов, Лера приготовила Маше огненный коктейль, и ту окончательно «понесло». Яркий свет мерцал в глазах, а веселье пульсировало в венах. Она вскарабкалась на барную стойку, ухватила за резиновый коврик и приподнялась, танцуя в сторону Антона. Он попытался ее стащить, но Маша была неуправляема. Лера смеялась, а увидев разъяренную администраторшу, заржала еще громче.

– Уберите ее, Антон! – кричала администраторша. – Иначе я вызову полицию.

– Умоляю, вызовите прокуратуру. Пусть сам главный едет! – кричала Маша, продолжая танцевать.

Парни у бара с интересом разглядывали ее, отчего Антон взбеленился.

– Возьми и слезай, – смеялась Лера, уговаривая Машу успокоиться.

Маша взяла рюмку с текилой и протянула Антону, у которого глаза лезли на лоб. Он вопросительно уставился на нее. Она передала ему лайм, взяла соль, посыпала ею свой язык и склонилась к Антону. Тот ухмыльнулся, потому что очень ее хотел. Он опрокинул рюмку в себя и слизал соль с ее языка, закусив кислым лаймом.

– Все, шоу окончено! – объявила Маша, спрыгивая с барной стойки.

– Сумасшедшая, – рассмеялась Лера, перегнувшись через стойку и чмокнув Машу в губы.

На танцполе музыка гремела в ушах, прожектора выхватывали из темноты ее фигуру, и она отчаянно танцевала, выплескивая наружу всю себя. Антон схватил ее сзади и прижал к себе. Ей так хотелось забыться, что его сильные руки были кстати. Она обернулась, и их губы слились отчаянной страстью. Маша обвила его шею и прижалась всем телом – хотела раствориться в нем и забыться. Стереть с губ поцелуй Сережи, уничтожить материнские слова. В голове кружилась лишь животная страсть. Антон напрягся, и она почувствовала его возбуждение. С улыбкой обернулась, ощущая его пальцы на своем теле. Его горячее дыхание опалило шею, и Маша раскрыла глаза. Напротив, за ближайшим столиком, сидел Игорь Андреевич и смотрел на нее в полном недоумении. Ее бросило в жар, она остолбенела, трезвея на глазах. Их взгляды встретились посреди этого безумия, и тренер откинулся на спинку дивана, явно не веря увиденному. В отличие от других, он не рассматривал ее с вождением. В его взгляде она прочитала лишь разочарование. Внутри ее вспыхнул стыд, а когда пальцы Антона настойчиво проникли под ремень джинсов, она отвернулась от тренера. Антон вцепился в ее губы и стиснул в объятиях – не мог насытиться, и почти перестал контролировать свои глубокие к ней чувства. Настолько глубокие, что когда несколько парней случайно задели Машу, он яростно оттолкнул их. Навис над ними и выругался так грязно, что у Маши чуть уши не завяли. Все смотрели на них и на ярость Антона, которой он был так всем знаком. От стыда у Маши пылало лицо, и она снова посмотрела на диван, но Игоря Андреевича там уже не было.

– Ты что делаешь?! – схватила Антона за руку. – Они же случайно! Не позорь нас.

– А, как я теперь позорю? – он был в ярости и снова попытался ее схватить.

Окружающие боялись Антона, и Маша тоже его испугалась. Лера подбежала к брату, и лишь увидев сестру, он пришел в себя.

– Антоша, перестань, иначе вас выведут, – умоляла она, глядя ему в глаза. – Все хорошо? Ты пугаешь Машу!

– Сестренка, прости, я взбесился, – он прижался лбом к ее лицу, а Лера успокаивающе гладила его по покрасневшим ушам.

Маша завидовала им. Всегда думала, что такими же близкими они были бы с Авророй, не соверши та свой фатальный выбор. Слезы выступили на глазах, и чувство вины накатило с новой силой. Пол закачался у нее под ногами, и она быстро зашагала в туалет. Ей хотелось успокоиться, но она уже рыдала, и слезы заставляли вновь вспомнить материнские слова. Нет, она не могла это забыть, и никакой алкоголь уже не помогал. Тошнота заглушала раздирающую боль в груди. Там ныло, жгло и невыносимо саднило. Она вспоминала то утро, когда мама закричала на кухне, узнав, что Аврору нашли на вокзале. Десятилетняя Маша не понимала, что случилось. Ее не пустили проститься с Авророй, потому что у той не осталось лица. А вместо шеи – блестящий розовый платок. Мама рыдала, отец громко стонал, а Маша стояла в стороне от всей семьи и не понимала, почему родителям так больно. Аврора умерла? Она попыталась подойти к папе, но тот не замечал ее. Потянулась к маме, но та оттолкнула ее, как

ненужную вещь. Мама Леры, тогда еще трезвая, единственная обняла Машу и сказала, что ей жаль. Держала ее за руку до самого кладбища. И когда Маша все осознала, вытирала ей слезы и шептала, что все будет хорошо. Только хорошо так и не наступило.

– Пошли отсюда, – Антон подхватил ее за талию и помог встать.

Маша оглянулась. Она лежала у стены, видимо, потеряв сознание. Антон не ругался, вел ее к такси. Лера что-то говорила, но Маша не слышала. Теперь она вспомнила, что было у Авроры вместо шеи. Лучше бы она не рождалась вовсе, тогда бы Аврора осталась жива.

На улице Антон стал ловить такси, оставив свою машину. Ледяной воздух обжигал, но щеки у Маши не переставали гореть. Она переминалась с ноги на ногу и вдруг заметила неподалеку тренера в компании друзей. Когда его спутники сели в машину, Игорь Андреевич захлопнул дверь и взглянул на Машу. Сердце ее екнуло, застучало в висках, от чего вся кожа покрылась мурашками. Она опомнилась, представляя, как нелепо выглядит, смущенно отвела взгляд, внутренне сокрушаясь от стыда, но все еще чувствовала его взгляд на себе. Теперь он точно не станет относиться к ней по-особенному. Хуже того, Маша потеряла ту хрупкую и ненормальную надежду на взаимность. И признаться себе в чувствах к тренеру теперь оказалось не самым страшным.

– Маша, такси приехало, – Антон говорил ласково, ведя себя как идеальный джентльмен.

Взял ее за руку, бережно обнял за талию и повел к такси. Игорь Андреевич сел в машину, но продолжал смотреть. Маша молилась, чтобы этот кошмар поскорее закончился, и, когда их такси тронулось, увидела, что машине тренера тоже поехала. Маша отодвинулась от Антона и откинула голову на подголовник, глядя в его темные глаза, обрамленные редкими ресницами. Она так сильно любила его столько времени, страстно все лето, а теперь не чувствовала ничего.

– Я люблю тебя, – прошептал Антон, не отрывая от нее взгляда.

Она молчала.

– Ты помнишь, почему мы расстались?

– Я вел себя плохо, – он выглядел искренне сожалеющим, но Маша не верила.

– Ты ревновал, обижал, изменил мне с администраторшей этой.

– Я тебя оберегал.

– Не уверена, что так оберегают, – она уставилась в потолок.

– Вас куда? – спросил таксист.

– Хочу к тебе, – прошептала она Антону, потому что не хотела видеть Сережу и маму.

Глава 3.

– Мой худрук сказал, что я буду великой актрисой, – твердила Лера, крася губы на заднем сидении «Марка». – Вы ведь придете на мой спектакль? Я буду Джульеттой. Умру на сцене за любовь!

– Не выдержу этого, – хмуро процедил Антон.

Лера ходила в театральные кружки с десяти лет и, сколько Маша помнила, всегда играла главные роли, несмотря на нетипичную внешность. Ведь в ней было иное: бурлящая энергия, яркий свет и сбивающая с ног харизма.

Антон увлечения сестры не поддерживал. То ревновал ее к «сладеньким» парням, с которыми у нее были самые разные сцены, то просто ничего не понимал в искусстве. Маша же, наоборот, восхищалась Лерой и поддерживала ее всеми силами. Видела в ней талант и, что еще важнее, считала себя ответственной за ее успех. Для нее в этом заключался истинный смысл дружбы – поддерживать всегда и практически во всем.

– Подруга, а давайте вы со своей командой сходите на мою премьеру? «Ромео и Джульетта», – Лера обняла ее через спинку сиденья. – Скидочка с меня, зрители – с тебя, – улыбнулась она, морща носик.

– Как я могу отказать такой невероятной актрисе? – засмеялась Маша, прижимая ее руки к своей груди.

– Договорились! – радостно воскликнула Лера.

Они высадили Машу напротив гимназии. Антон трепетно поцеловал ее в губы, окончательно убедившись после прошедшей ночи, что она теперь точно его. Лера повисла у нее на шее и крепко поцеловала в щеку. Все это время у входа переминался с ноги на ногу Данил, дожидаясь, когда Маша наконец подойдет.

– Что с твоей подругой? – спросил он вместо приветствия.

– А что с ней? – удивилась Маша.

– У нее что, диагноз какой-то? Я не издеваюсь, мне просто интересно, – она нахмурилась. – Некрасивая она, у нее лицо как при диагнозе, но вроде вела себя нормально.

– У нее фетальный алкогольный синдром, – ответила, не отводя взгляда. – Поэтому такое лицо. Но Лера – здорова.

– Это заметно. Мать бухала?

– По тебе – тоже, – парировала она.

– Моя мама никогда не бухала, – от удивления даже фыркнул.

– Я не про это, – Маша снисходительно улыбнулась. – Может, у нее некрасивое лицо, но зато – красивая душа. А у тебя – наоборот. И это тоже заметно.

Откинув волосы назад, будто в кино, она прошла мимо, с наслаждением запомнив его обалдевшее лицо.

Она поднялась в пустую раздевалку и наспех переделась в обтягивающую спортивную форму. Взглянув на время, поняла, что опаздывает. Поспешно убрала волосы в тугий хвост и выбежала, столкнувшись с таким же спешащим Сашей.

– Сейчас и узнаем, как Игорь Андреевич относится к опозданиям, – обаятельно заметил он.

Маша дрожащей рукой схватилась за ручку и толкнула дверь. Она редко опаздывала и сама не одобряла это, но, видимо, жизнь подбрасывала и такие уроки. Переступив порог, она ослепла от яркого света, зажмурилась и, идя наощупь за Сашей, врезалась ему в спину. Открыв глаза, она все еще видела слепые пятна, но даже они не скрыли притихших и необычайно застывших у стены одноклассников. Они выстроились в линию и пристально смотрели на них с Сашей.

Игорь Андреевич стоял у окна, сложив руки на груди, и смотрел исключительно на нее, лишь изредка переводя взгляд на Сашу. «Тот же разочарованный взгляд, что и в клубе», – подумала Маша и мысленно похоронила их хорошие отношения. Ну и пусть, она привыкла разочаровывать людей.

– Урок начался пять минут назад, – с укором произнес он, не повышая голоса.

Остальные, на удивление, все еще молчали.

– Извините, мы заблудились, – паясничал Саша, подмигивая одноклассникам.

Маша готова была провалиться сквозь землю, но вела себя тихо, не желая привлекать внимание сверстников.

– Твои оправдания? – спросил он, обращаясь к ней и делая шаг вперед.

Она ответила честно:

– Я плохо спала и теперь плохо себя чувствую.

– Удивительно. И почему?

– Игорь Андреевич, вам лучше не знать эти грязные подробности, – ехидно вставила Яна.

Девочки в ответ заулыбались.

– Объяснительную – на мой стол, – тренер холодно взглянул на Сашу. – И ты тоже. Я не приемлю опозданий, даже если вам было очень плохо ночью, – уставился на Машу.

– Вообще-то... – начала она оправдываться.

– Прежде чем грубить, подумай дважды, – строго предупредил Игорь Андреевич, и весь класс замер.

Машу обдало ледяным взглядом, и внутри все сжалось в тугий узел. Казалось, в зале похолодало – по всему телу прокатилась стужа. Тренер отвернулся, не удостоив ее даже взгляда после этого жестокого выпада. Маша отступила, будто ее окунули в ледяную воду и ударили по лицу, как это часто делала мама. Прошлый тренер тоже был жесток, но Игоря Андреевича она считала другим – и теперь убедилась, что смогла разочаровать даже его. Ребята молча переглядывались: то ли из-за необычной тишины Маши, то ли из-за невиданной резкости тренера. Яна ухмылялась ей в лицо, торжествуя: она была права – Игоря Андреевича она заполучит, но еще раньше Маша потеряла его расположение. Лишь Оксана смотрела на нее исподлобья без улыбки, и в ее обычно дерзких глазах читалось сожаление. Маша отвернулась, не решаясь встретиться взглядом с заклятой неприятельницей.

Игорь Андреевич встал напротив класса и сурово оглядел каждого. Все молчали, не решаясь фривольно вести себя дальше.

– В биологии есть такое понятие – коррекционный рост. Слышали? – класс замер, внимания его речи. – Это процесс, когда растение адаптирует свой рост и форму после механических повреждений или в неблагоприятных условиях. Оно компенсирует недостаток ресурсов или восстанавливается. – Игорь Андреевич взглянул на Машу. – Или погибает. Уловили мысль?

Она смотрела в его глаза и готова была поклясться, что эта речь – для нее одной, хоть в сущности это было и не так.

– Какая трогательная речь, Андрейч, – Данил вальяжно облокотился на шведскую стенку, с насмешкой глядя на него. – Но может подействовать только на юных девушек.

– Но на тебя же подействовала, раз ты открыл рот, сын начальника завода, – сохраняя хладнокровие, парировал тренер.

Девочки зашептались, вновь томно вздыхая. Яна прошептала Маше, что «переспит с ним сто процентов». Но Маша смотрела на Данила с чистейшим отвращением, какого прежде к нему не испытывала. Он поймал ее взгляд и подмигнул, купаясь в ее внимании.

– Субординация, тренер, вы в курсе? – вступилась Лена.

Оксана закатила глаза, и Маша усмехнулась.

– Я думал, мы все тут не уважаем друг друга, – равнодушно ответил Игорь Андреевич.

– Вот именно, Андреич, бери пример с меня, – Данил выпрямился, поймав на себе обескураженные взгляды парней. – Девочки любят не ушами, а языком.

– Ты правда думаешь, что меня волнуют сопливые советы мажора, который еще не вышел из пубертата? – метнул в него хмурый взгляд.

Маша и Оксана рассмеялись, удивительно синхронно.

– Понял, – Данил не унимался, ведь все это шоу он затеял ради Маши и ее внимания. – Завидуешь моему состоянию?

– Не хочу тебя разочаровывать, но единственное состояние, что ты приобрел, – это многочисленные связи, – вмешалась Маша.

Оксана залилась смехом, с наслаждением наблюдая за смущенным бывшим; остальные же подхватили это, и класс зазвенел от смеха.

– Надеюсь, конкурс остроумия окончен. Лена права – соблюдайте субординацию, – Игорь Андреевич посмотрел на всех, кроме Маши. – Я разделю вас на пары. На каждой сухой тренировке вы будете работать с инвентарем вместе, страховать друг друга, а я прослежу за техникой.

– Бассейн будет сегодня? – спросила Мила.

Тренер присел на край стола, закинув оформленную мышцами ногу на ногу, отчего его силуэт стал еще атлетичнее.

– Нет. Завтра у вас две тренировки: первым уроком бассейн и седьмым.

– Ты издеваешься? – выпалил Данил, поправляя волосы. – А жить когда?

– Кто хочет жить – может быть свободен, – взглянул на него исподлобья. – А кто хочет чего-то добиться – добро пожаловать. В следующем месяце я проведу отборочные соревнования. Мои друзья из секций и профессионального спорта помогут мне. Перед новым годом будет чемпионат города, и победители на нем в нашей гимназии поедут со мной на соревнования в Москву.

Все просияли, и Маша впервые заметила, как ее спортивный класс по-настоящему ожил.

При прошлом тренере они изредка участвовали в соревнованиях, если кто-то побеждал, то это не значило ровным счетом ничего, ведь тренеру было не до их достижений. Маша часто скучала по спорту, и потому грустила из-за этого. Но попросить поддержки у отца значило признать свою слабость и перестать быть его любимой дочерью. Поэтому она молча терпела тренера, который больше орал, чем учил. В один из таких дней он дал Оксане пощечину за неудовлетворительные результаты, о которых и остальные одноклассники были не в курсе. Тогда Маша впервые пожалела ее, а теперь видела на ее лице улыбку – ведь и Оксана тоже любила спорт. Весь их класс любил его, и новый требовательный тренер стал подарком, а не наказанием.

– Мы уже знакомы с подобными сказками, – заговорила Лена.

– Я не сказочник, а тренер, Лена. Так что, меньше работай языком, чаще – руками, – все посмеялись, и Игорь Андреевич слез со стола. – За пределами зала распускайтесь сколько угодно. Итак, Оксана Савельева и Саша Филиппов – первая пара, – те радостно переглянулись. – Лена Козлова...

Маша сидела на мате и наблюдала, как одноклассники радостно объединяются в пары. Кто-то был недоволен, но тренер непреклонно составлял пары. Когда очередь дошла до Маши, он даже не взглянул в ее сторону.

– Маша Кондратьева и Данил Митрофанов.

– Ух ты, есть от тебя толк! – Данил подскочил к Маше, протягивая руку.

Тренер проигнорировал его.

– А я? – Яна осталась без пары, растерянно оглядываясь.

– Значит, твоей парой буду я, – сухо заметил Игорь Андреевич.

Яна повернулась и торжествующе улыбнулась, напоминая девочкам о своей клятве; те зашептались.

Маша с раздражением взяла протянутую ладонь Данила.

– Ты непривычно тихая сегодня, – прошептал Данил, когда они приняли упор лежа, – Обиделась на Андреича? Забей, ему просто девки не дают, вот и злой.

– Тебе-то дают, – безразлично ответила Маша.

– Извини за слова о твоей подруге. Я не хотел так выразиться.

– Именно так и хотел.

Маша отвернулась, надеясь, что он отстанет. Данил теперь превратился из приятного друга в надоедливую ухажера, который все никак не унимался. К тому же, у нее с утра раскалывалась голова, а Игорь Андреевич был разочарован в ней, так еще и Данил никак не отлипал. Она легла на скамью для жима, и его руки подхватили штангу. Глубоко дыша, Маша считала, стараясь соблюдать технику. Внезапно Данил наклонился к ней, и темный локон упал ему на лоб. Он томно заглянул ей в глаза. Красивый же – зараза такая. Самый красивый парень в их гимназии, словно сошедший из фильма. Поэтому Маша и не осуждала его пленниц.

– У меня есть парень, – упрямо прошептала.

– Ты про своего скинхеда? Не смей меня, он и волоса твоего не стоит, – он склонился так близко, что дыхание обожгло ей щеку.

– А ты стоишь? – прищурилась.

– Что бы тебе ни рассказала Оксана – у нее своя правда, – он смотрел так прямо, что, казалось, не лжет. – Ты мне больше чем нравишься.

Маша улыбнулась, приоткрыв губы навстречу ему:

– А я терпеть не могу изменщиков и тех, кто не уважает своих бывших, какими бы они ни были, – Данил нахмурился. – Ты не уважаешь свой прошлый выбор, а я – тебя. Слышишь? И моя подруга красивее всех твоих кукол вместе взятых.

– Данил и Саша, поменяйтесь парами, – громко прозвучал голос Игоря Андреевича.

Маша вопросительно посмотрела на тренера, но тот даже не взглянуть на нее. Необычайно смирный Данил молча выполнил приказ. Оксана покраснела, с ненавистью глядя на него.

– Прости, – извинилась Маша перед Сашей, сама не зная за что.

– Ты ни в чем не виновата, Маха, – тепло улыбнулся он.

В раздевалке девочки впервые переодевались молча, кроме вечно говорящей Яны. Та кружилась между лавок и бормотала свои фантазии. Некоторые также внимали ее сомнительную правду, одна Маша тяжело вздыхала от каждой занимательной детали.

– Чувствую себя психиатром в палате №6.

Маша улыбнулась, и Яна внезапно замолкла. Вскинула бровь и подошла к ней, выпячивая упругую грудь.

– Мне кажется, ты мне завидуешь.

– Чему именно? Твоему послужному списку или фантазиям, далеким от реальности? – Маша равнодушно отвернулась к шкафчику.

– Ты больше не в списке лучших друзей тренера, малышка, вот и бесишься.

– Может, перестанешь изображать тупую стерву из дешевого сериала? Или ты вовсе не изображаешь эту роль?

Яна схватила ее за волосы, и девочки засуетились. Маша залилась смехом – вывести Яну было проще простого. Ревность сковывала горло, но разве могла Маша в этом признаться себе?

– Ты бесишься, что Данил попользовался тобой и выбросил в тот район, где ты проживаешь свою убогую жизнь дочери главной алкоголички?

Маша ощутила острую боль в груди и силой схватила Яну за ухо, дернув так, что ты звывла. Хотела швырнуть ее на пол, но Оксана оттащила ее.

– Сука, еще одно слово в сторону моей семьи – и я убью тебя, – цедила Маша, теряя голову от ярости.

– Семьи? – язвительно рассмеялась Яна. – Напомни, что стало с твоей сестрой?

У Маши поплыло перед глазами. Она кинулась на Яну, но Оксана упрямо тянула ее, и они обе свалились со скамейки, врезавшись в шкафчики. В глазах ее стояли слезы, в ушах звенела ярость. Маша попыталась вырваться, но Оксана держала ее крепко. Девочки вокруг молчали, в ужасе глядя на Яну, которая торжествующе хохотала. Лена подала ей пять, и они отпраздновали победу над непобедимой прежде Машей.

– Это было низко даже для тебя, – неожиданно вступилась Оксана.

Маша кусала губы, остро чувствуя боль от гибели сестры. Яна разбередила сразу две раны и вышла отсюда, как ни в чем небывало. Жестокость их возраста, вседозволенность и равнодушие сочилось в жилах каждой, отравляло атмосферу в классе, и никто даже не удосужился протянуть Маше руку помощи в этой грязной схватке.

– Не обращай внимания, – Оксана встала и протянула ей вещи.

Промозглый дождь хлестал по легкой куртке. Сквозь пелену слез, Маша не видела, куда бежит, но точно знала, что на блеклой остановке ее ждет красный трамвай. Она втиснулась внутрь и слилась с толпой. В наушниках гремела музыка, но даже сквозь грохочущие припевы она слышала хриплый и надоедливый внутренний голос, твердивший слова Яны. Ирония в том, что мама никогда не обрадовалась бы, узнав, что Маша за нее заступилась. Она сняла капюшон, и вода с него хлынула на рукава, намочив волосы и руки. Маша оглянулась. Через желтые поручни напротив, у окна, сидел Игорь Андреевич и спокойно смотрел на нее, словно ждал, когда она его заметит.

Трамвай резко затормозил. Мужчина рядом выругался Маше в ухо, и она чуть не упала, задев его и остальных. Рядом с тренером освободилось место; он похлопал по нему, приглашая сесть. Маша робела, смущалась, но послушно села, стараясь не смотреть. Он что-то спросил, и она вытащила один наушник, разрушив звуковой барьер между ними.

– Что слушаешь? – переспросил он с улыбкой.

Маша улыбнулась по инерции, от смущения. Молча протянула наушник, не в силах вымолвить слово – в горле пересохло от новых чувств. Их пальцы коснулись, и Машу будто ударило током. Одернув руку, смущенно опустила взгляд. Ей и в голову не могло прийти, что она способна быть такой робкой, как мышка или, что хуже, как влюбленные ее одноклассницы. Улыбка тронула ее губы: потому что ей показалось, что быть влюбленной дурой лучше, чем дочерью алкоголички. Слова Яны померкли, сердце учащенно забилось. Маша смело взглянула на него, желая наконец почувствовать себя – юной, влюбленной, неопытной, слышать свои желания, а не пытаться выжить, неугомонно помогая матери.

– «Слипкнут»? Я так и думал, что ты слушаешь что-то подобное.

Он думал о ней. От этой мысли Маша просияла еще ярче.

– Вы сейчас похожи на тех блогеров, которые останавливают прохожих и спрашивают, что те слушают, – смущенно улыбнулась, не зная, прошло ли его разочарование.

– И что же ты слушаешь, кроме «Слипкнота»?

Он внимательно следил за ее глазами, и Маша отвела взгляд, чтобы не выдать хрупкий мир, возникший в ней с их первой встречи. Щеки и так пылали от пристального внимания. Она листала плейлист, думала, что называет треки вслух, но на самом деле только читала названия про себя. Поняла это и тихо засмеялась, чтобы не спугнуть этот миг. Впервые чувствовала себя такой глупой. Такой настоящей семнадцатилетней. Игорь Андреевич улыбнулся, не переставая наблюдать.

– Помочь?

Будто все понимал, но не спешил оттолкнуть. Маша надеялась, что теперь между ними возможна дружба, на большее она не рассчитывала.

– Разное люблю. Иногда могу «Лунную сонату» включить на десять часов, – он удивился.
– Чаще – рок, русский тоже, но сегодня настроение только на «Слипкнот».

– Например? – тренер был внимательным слушателем.

И это Машу разговорило. Так редко ее и вправду слушали.

– Ну, «Сплин» – классика, я считаю. Мечтаю попасть на их концерт. «Мумий Тролль». Кстати, это моя любимая в детстве книга была.

Маша хихикала и не могла перестать знакомить с собой настоящей. В сущности, она и сама забыла, какая она настоящая без этих барьеров от людей и боли. Без показной крутости и вызывающего поведения, целью призванного оттолкнуть других.

– У бабушки в старом шкафу они лежали специально для меня. Аврора не любила читать, – она запнулась, потому что впервые говорила о сестре как о живом человеке. – В общем, книги пахли бабушкиными духами, такими, знаете, советскими, этой «Красной Москвой».

Тренер засмеялся, видимо, понимая.

– И я их постоянно нюхала, а потом различила, что бумага издательская пахнет не только ее духами. Рассматривала картинки, и по этим книгам бабушка учила меня читать, – Маша взглянула в окно. – Она умерла от рака, когда мне было девять. За год до сестры. Мы ее очень любили.

Игорь Андреевич молчал, но внимал каждому слову.

– Не знаю, что это я так разоткровенничалась, – Маша вспыхнула от стыда. – Короче, вот еще «Агата Кристи», но реже, а самая моя любимая группа – это «Слот». Поклоняюсь им.

– «Натилиус»?

Маша чувствовала себя обнаженной и не могла с этим справиться. Неужели она готова раскрыться перед первым, кто уделил ей внимание? Почему только рядом с ним ее язык так развязывается? А быть слабой и уязвимой оказывалось проще, чем сильной и колючей.

– Слышала как-то, но не очень зашло.

Он взял ее телефон. Маша замерла, боясь спугнуть хрупкий контакт. Игорь Андреевич зашел на свою страницу и добавил себя в друзья. Маша, как завороченная, наблюдала за ним. Он вернул телефон, достал свой и добавил ее в ответ. Открыл аудиозаписи и взглянул на нее. Смотрел так, как смотрят на беззащитного котенка. На Машу так еще никто не смотрел.

– А ты послушай другие их треки.

– Вы тоже любите рок? – улыбка Маши была такой искренней, что она пропустила свою остановку.

– Я меломан.

– А я проехала свою остановку.

Говорила и дышала только носом, боясь, что бешено стучащее сердце остановится от избытка чувств.

– Выход есть всегда, даже если ты заблудилась.

И был прав.

– Я послушаю, но только если вы пообещаете послушать все треки «Слота».

Встала и ухватила за поручень. Тетки по бокам жалились к ней, как к родимой, и тяжело дышали в макушку, а Маша не могла оторвать взгляд от Игоря Андреевича.

– Договор, – подмигнул он.

Толпа повалила на выход и увлекла Машу за собой. Она не успела забрать наушник и обернулась, когда трамвай уже тронулся с места. Хотела написать это ему, но он сделал это первым. Маша шла обратно к своей остановке и улыбалась. Дождь был холодный и осенний, но что-то грело ее изнутри. Сердце билось, и дышалось невероятно легко. Что это было, она не хотела знать, но догадывалась. Брела по дороге, осторожно обходила машины и берегла свою жизнь. Завтра у нее целых две тренировки с ним – хмурым или молчаливым, но Маша все равно будет рада его видеть.

Глава 4

Игорь не любил клубы и предпочитал проводить время с пользой для себя. Если виделся с друзьями, то за чашкой кофе. Если отдыхал, то с книгой или в тренажерном зале – в любом месте, где ум оставался ясным. Некоторые считали Игоря старомодным, но ему нравился этот

образ, ведь в юности он был другим – погрязшим в мимолетных связях, сомнительном веселье и полном безразличии к будущему. Но тем вечером друзья уговорили его отметить новую работу, потому что, вопреки бурному прошлому, он всегда грезил о наставничестве. Попытал удачу и устроился тренером в гимназию. Близкие пугали, что нынешнее поколение детей – жестокое, ленивое и высокомерное, как свора собак, но он видел в них иное: потенциал, внутреннюю силу и любовь. Даже в Маше, самой дерзкой из класса, он с первого взгляда разглядел нечто светлое.

Когда увидел ее в клубе, такую пьяную и яркую, то за маской искусственного веселья разглядел несчастное сердце и узнал в ней себя прежнего.

– Бедная девчонка, – один из друзей присел рядом. – Часто вижу ее в беспамятстве здесь в компании того белобрысого отморозка. По нему малолетка плачет, а он все ошивается рядом.

– Это моя ученица. Почему «бедная»?

– Серьезно? И как тут не поверить в судьбу? – Игорь нахмурился, и друг наклонился к нему. – Это же Маша Кондратьева. Ну, младшая сестра Авроры Кондратьевой.

Игоря словно опалило огнем. По спине пробежали мурашки, легкие вдруг сдавило. Понимающий взгляд друга скользнул по его внезапно побледневшему лицу:

– Это ведь из-за нас она бросилась под поезд, братан.

Взгляд его скользнул по Маше, и он не увидел в ней ничего общего с Авророй. Та была нежной розой, а Маша – острыми шипами. Она обернулась, и их взгляды случайно встретились. Лицо Игоря исказилось от ужаса и раскаяния. Он поспешно отвел взгляд, но Маша сделала это раньше, повернувшись к своему спутнику. Руки незнакомого отморозка скользнули по ее телу. Игорь глубоко вздохнул, сквозь грохот музыки, услышав бешеный стук собственного сердца. Вскочил с дивана, пролез через друзей и вышел на улицу. Он смотрел в ночь, а перед ним стояли ее янтарные глаза. Вспомнилось, как Маша дерзко ухмылялась завучу, а потом смотрела на него с теплой улыбкой, будто они были знакомы всегда, словно он не причина ее несчастий. Он стирал кровь с ее губ и не мог представить, что эти глаза видели изъяны его души задолго до их встречи.

Ночью снилось ему прошлое, в котором Аврора была жива. Они с другом сидели на трибуне у бассейна, когда мать ее в норковой шубе кричала, высокомерно вскинув голову:

– Ты тупая, Аврора?

– Не говори так со мной, мам, пожалуйста, – умоляла Аврора, смущаясь перед парнями и пряча розовые локоны за уши.

– Хватит! Ты не достаточно стараешься, слышишь меня? Через месяц соревнования, а я краснею перед твоим тренером, как дура! Прекрати быть размазней и возьми себя в руки. Не позорь меня.

И глаза Авроры вновь наполнялись слезами. Тренер тыкал ее в бессилие, а ребята вокруг оставались равнодушны, будто не замечали, что Аврора все знает. И о другой женщине отца, и о том, что мать платит за ее победы на соревнованиях своим телом их тренеру.

Игорь не хотел больше работать с Машей, потому что она смотрела глазами Авроры, но была абсолютно другой. Не просила о любви, но требовала уважения. Смущалась под его взглядом, но не позволяла себя обижать. Игорь листал университетскую тетрадь и наткнулся на пометку на полях: «Коррекционный рост». Может, если помочь Маше не губить себя, у него получится стать для нее хорошим тренером. Она смотрела так, что внутри, за грудной клеткой, стало ныть. Игорь избегал ее пронзительного взгляда, поэтому выбрал наиболее безопасную тактику общения – сухую требовательность. Одноклассники ее шептались, что он с ней «так» из-за раздражения. На самом деле причина была противоположной. Осознал он это не сразу. Впервые – когда избалованный мажор навис над ней слишком близко и касался так, как Саша Оксану. Как пыталась самого Игоря касаться Яна. Но когда это делал Данил, внутри все переворачивалось, а в горле першило. Жар проникал через щеки и вспыхивал в груди. Он поменял Маше пару, но лишь сильнее ощутил эту липкую, грызущую ревность.

В трамвае, когда Маша засмеялась, глядя своими медовыми оттенка глазами, он признал наконец эту страшную правду. У Игоря был богатый опыт в любовных делах, но от Маши не слушался разум. В пустоте мыслей она говорила и говорила, заходила всегда без стука посреди обыденных дел и даже стала сниться. Ворочаясь в постели, Игорь чувствовал себя подлецом и извращенцем, но все же поддался искушению и зашел на ее страницу. Маша на фото была не такая красивая, как в жизни, – скорее, вызывающая и насмешливая; казалось, она смеялась над ним, над его чувством и над всем миром. Он нашел песню «Слота» и включил ее, прибавляя громкость.

– Блять, – Игорь увидел свое одурманенное лицо в отражении экрана и выключил музыку.

Нет, с Машей у них не может быть ничего общего, включая песен. Из-за гимназии и из-за Авроры.

Глава 5.

Сквозь плитку в ванной, через трещины в них, пробивалась зеленого оттенка плесень. Маша отодвинулась от пожухлой шторы, норовившей прилипнуть к ее мокрому силуэту. Слабый напор душа приходилось контролировать сдавливанием ржавого шланга. Зеркало напротив запотело и давно уже изуродовалось известковым налетом, но Маша все равно различала татуировку на плече, где рельсы исчезали в луне из морской волны. Она набила ее в память об Авроре: жизнь сестры оборвалась на рельсах, а в бассейне ей хотелось тогда жить. Уродливые шрамы под яркими татуировками на бедрах проигнорировала, как всегда игнорировала тот жуткий эпизод своей жизни. Уран и маленькие звезды – просто для красоты, а еще их любила Алиса, и Машу эта мысль грела.

– Я быстро, не психуй.

Сереза сорвал шпингалет, как всегда, и грузно плюхнулся на унитаз. Тот заскрипел под ним, будто вот-вот они провалятся к соседям и испачкают их экскрементами. Так чувствовала себя и Маша, когда отчим покушался на ее личное пространство. Ее охватила яростью, и она крикнула:

– Сука! Убирайся отсюда!

– Ладно тебе, Машуня.

Он со смехом стал теревить шторой, не заглядывая, но и не оставляя ее в покое. Маша подняла ногу и со всей силы вдавила ступней ему в лоб. Сереза грохнулся на пол, покряхтел, поднялся и вышел из ванны. В трезвом состоянии он боялся вспыльчивой Маши, когда пьянел – море ему было по колено.

Она с силой терла кожу мочалкой, отдирая его смешки и попытки прикоснуться к себе. К вторжению в свое личное пространство привыкла, но всегда отчаянно защищалась. Возможно, этим и отличалась от Авроры; Маша оставалась непробиваема даже под тяжестью суровой реальности. Отчим никогда не трогал ее как женщину, но она всегда этого боялась. Этим недугом, ей казалось, были больны лишь маргиналы, как ее отчим, но недавно поняла, что люди этим просто больно без различий социального статуса. Шпингалет снова затрещал, сердце заколотилось в груди, от страха дыхание сперлось. Шаг был мягкий – значит, вошла мама, что не сулило ничего хорошего.

– Машка, все хорошо?

– А что случилось? – спросила она с подозрением, ведь мама не трезвела со вчерашнего дня, и, к сожалению Маши, это не походило на материнскую заботу.

Мама заглянула за штору и обеспокоено подняла глаза к потолку. Маша последовала ее взгляду и уставилась на ржавое пятно. Вентиляция засорилась, и пар пропитал старую штукатурку желтизной.

– Сколько мух на потолке...

Маша недоуменно посмотрела на маму; та испуганно уставилась на нее:

– Я веточки зверобоя засунула в дверные косяки на кухне. По телевизору сказали, что они защищают от ведьм, – мама безумно смотрела на потолок, а после прошептала. – Людка зашла, я ей говорю: «Проходи в кухню», а она взяла и исчезла. Пройти не смогла, представляешь? Ведьма.

Маша задернула шторку прямо перед маминым лицом. Этот недуг ей тоже был хорошо знаком. Однажды, мама вынесла все ковры из квартиры, уверяя, что в них завелись клопы, хотя их там не было. Заклеивала окна в своей спальне газетами, чтобы Аврора перестала в комнату заглядывать и не знала о материнской зависимости. Маша в такие моменты чувствовала себя маленькой и бесцветной, абсолютно беспомощной. Слова ее не имели веса; мама только кричала, что это Машка – умалишенная. Однажды она рассказала папе, и он сказал, что это, наверное, «белочка». Спокойней Маше от того, что «этому» дали название, не стало. Теперь она стояла за шторкой и глотала подступивший ком. Чувствовала себя бессильной, маленькой и самой больной среди них – здоровых. Терла себя мочалкой и продолжала игнорировать стоящую за шторкой маму. Под кожей вибрировал ужас, в глазах плыло от слез. Ей было жалко и маму, и себя, потому что вылечить маму было невозможно без ее согласия, а мама не считала себя больной. «Да, семь лет уже пьет, так у нее дочь погибла. Да, видит всякое, но это правда – все люди черти, а духи умерших бродят по крыше».

– Людка – дрянь, хочет у меня Сережу увести. Привороты делает... Машка, их надо выгнать, а то весь потолок загадят.

– Лучше за Сережей присмотри, – Маша отодвинула шторку и наклонилась к матери. – А то, вдруг, и унесут к Людке на своих мушиных крыльях его эти мухи.

– Машка, ну ты и дура набитая, – рассмеялась мать. – Он же тяжелый.

– Может, он мушиный король?

Маша засмеялась, как умалишенная, – так себя и чувствовала. Высмеивать мамину паранойю оказывалось легче, чем изводить себя по ночам настойчивыми мыслями о помощи. Она представила мух, стерегущих Сережу, и заржала. Это вправду было бы забавно, если бы ее спасли от этой семейки мухи.

– Ой, ну ты и дура, Машка, – махнула на нее мама.

Она задернула шторку и подошла к зеркалу у раковины. То висело криво, и мама отражалась в нем искаженной.

– Сережа хороший, не то что твой отец-придурок, – Маша яростно терла волосы пеной, чтобы не слышать это вновь. – Я залетела от него в школе и родила Аврору. Ой, как меня этот кобель любил, пока не начал налево бегать к своим коллегам сраным. А я была такая молодая и красивая. Не знаю, в кого ты такая страшная, Машка, уродилась, но Аврора была красивая –

вся в меня. Мужики толпами за нами бегали, а не как этот твой уголовник из соседнего дома. Никогда, кстати, тебя больше ни с кем и не видела. Ну, это и понятно: ты уродилась вся в папашу, – мама говорила с притворной улыбкой, как актриса из погорелого театра. – Внешне, мозгами и характером. Так же по кругу пойдешь, как и он.

Маша молчала, потому что не воспринимала маму всерьез. Она вылезла из ванны и потянулась к полотенцу, но мама обернулась и уставилась на нее, словно на медицинском осмотре.

– Ты что, из тюрьмы? Что за наколки? – мама заржала.

– Шаблонная шутка, обнови прошивку, – терпеливо посоветовала Маша. – Ладно, наслаждайся.

Она уперла руки в бока и гордо вскинула голову, демонстрируя татуировки. Мама кривилась, но неискренне. Маша ухмыльнулась, узнавая в ее глазах старую добрую зависть, будто они соседки по парте, а не мать и дочь.

– Мухи улетели?

Мама перевела взгляд с Маши на потолок и обратно. Улыбнулась, потому что мухи и вправду исчезли.

– Значит, это ты, сучка, на Сережу ворожишь...

Маша подавилась смехом.

– По ночам облизываю его обувь.

Мама остолбенела, а Маша захохотала, как ненормальная. Она обернулась в полотенце и покрутила у виска:

– Ало, у вас все дома, Татьяна?

– Юмор у тебя уродский.

– Ладно, мам, спасибо за очередной душевный разговор между мамой и дочкой, но мне пора. Пойду к своему уголовнику, а то, вдруг, и он в муху превратится.

Мама разинула рот и закрыла, как рыба в аквариуме. Маша вышла, потому что глубоко не уважала ее, хоть и пыталась любить вопреки всему.

Под высоким потолком дрожала бирюзовая гладь в бассейне. Маша чихнула от запаха хлорки и натянула шапочку на заплетенные косички. Встала рядом Яной, с которой они не разговаривали с самого утра, и это Машу очень устраивало. Игорь Андреевич вышел, оглушительно прозвучал свисток, и все выпрямились по струнке. Удивительно, но даже Данил вытянулся у линии.

– Доброе утро. Как ваши дела?

Все принялись перекрикивать друг друга, рассказывая про то, как соскучились за день по своему тренеру и рады его видеть. Он улыбался, и Маша заметила, что, каким бы строгим он ни казался, ему были приятны эти слова.

– Я надеюсь, вы переспали со вчерашним нашим разговором...

– А хотелось бы с тобой, сладкий, – с наслаждением прошептала Яна, проводя кончиком языка по губе.

Девочки захихикали позади, подталкивая ее.

В груди у Маши вспыхнул жар. Ладонь налилась тяжестью, и ей захотелось поднять ее и со всей силы ударить Яну. И откуда в ней столько ярости? Зажмурила глаза и глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Липкая ревность залила щеки краской, но она продолжала сдерживаться. Подняв глаза, заметила, как Оксана пристально разглядывает ее – возможно, все уже поняла. Маша отвела взгляд от тренера; пусть ее догадки останутся лишь догадками.

– И теперь готовы трудиться, тренироваться и идти к цели, – продолжал Игорь Андреевич, прохаживаясь вдоль бортика. – Пусть каждый сформирует свою цель на этот учебный год и озвучит мне. Если кому-то плавание неинтересно, скажите сразу, чтобы я не тратила ваше и свое время, а уделил его тем, кто хочет связать со спортом ближайшие годы.

Подошел к группе и остановился рядом с парнями.

– Вы можете думать, что я пришел сюда, как и другие тренеры до меня, лишь бы отработать зарплату. Это не так. Я люблю плавание и хочу разделить свою любовь с тем, кому это нужно.

Яна томно вздыхала, как героиня дешевого романа, и у Маши от этого глаза закатились так, что стрельнуло в затылок.

– И если кому-то важнее его эго, то вам не место в спорте. Здесь будет тяжело. Вас будут ломать, чтобы сделать сильнее, но вы не должны сдаваться. Сейчас вы все проплывете, а я оценю вашу технику. А после, если она меня устроит, будете работать усерднее.

Первыми вышли Яна, Лена и несколько мальчиков. Затем – Мила, Настя, Саша и остальные. Настала очередь Маши, Оксаны, Данила и других. Маша забралась на стартовую тумбу. Она давно не прыгала, но раньше обожала это. Сердце бешено колотилось в груди. Она ровно дышала, по телу пробежала дрожь, раздался свисток, и она нырнула в воду. Тело превратилось в торпеду. Руки, словно лопасти, совершали грибки синхронно, как ее учили. Вода выталкивала, но Маша сопротивлялась ей, как сопротивлялась обстоятельствам в своей жизни. Ощущала в теле неизмеримую силу, почувствовала в себе стержень и ухватилась за это ощущение. Впервые в голове не было мамы, папы, Авроры. Только она – Маша – и ее жажда победы, ее желание доказать тренеру свою состоятельность. Руки ныли от непривычной нагрузки, в мышцах бурлила сила, и Маша старалась грести еще интенсивнее. Быстрее, резче, рассекая воду ладонями. Плотная вода обтекала тело и превращалась в среду ее обитания. Звуки сгустились.

На мгновение, поднявшись над водой, она увидела, что Оксана и Данил уже финишировали, и прозвучал свисток, отражаясь от сводов. Погрузившись, Маша больше не слышала ничего, кроме безумного стука сердца. Она развернулась и рванула обратно. Открыв глаза под водой, сквозь очки заметила, что заваливается при гребке влево. Попыталась выровняться и потеряла скорость. Снова прозвучал свисток – кто-то ее опять обогнал. Сил почти не оставалось, но внутри полыхало желание доказать всем, что она соткана из силы, а не из слабости.

Она приплыла к финишу последней и сразу увидела Игоря Андреевича у своей дорожки. Он поднес свисток к губам и крикнул ей:

– Кондратьева, еще раз!

Она ровно дышала, умиряя сердце, но недоуменно смотрела на него и не понимала, почему он заставляет ее повторить.

Маша проплыла снова, уже не последняя, но Игорь Андреевич вновь скомандовал ей плыть еще раз, теперь с Оксаной. Она растерянно уставилась на него, но тот смотрел уже на Оксану, давая ей указания. К ним присоединилась Яна, и Маша почувствовала себя униженной. Она плыла без передышки третий раз, в то время как ее соперницы, которых она терпеть не могла, отдохнули и наверняка обгонят ее. А после скажут в раздевалке, что она – слабое звено их класса, и ее место – на районе за рюмкой с матерью. Она прыгнула и вновь поплыла. Мышцы дрожали от напряжения, по телу расплзалась пронзительная усталость, в ушах закладывало. Маша открыла глаза и увидела, что уже почти не кренится и не уклоняется от центра дорожки, но гребки выходили кривыми из-за изнеможения. Она обогнала двоих, но все еще отставала от Яны и Оксаны. Безумие! В жилах Маши забурлила кровь, она ударила в лицо, и голова налилась жаром, полыхавшим во всем теле. Сердце бешено колотилось, но Маша не обращала на это внимания. Внутри злость пылала от смеха Яны и улыбки Оксаны, а мышцы сводило от усталости.

– Маша, снова на дорожку. Оксана – тоже.

– Я устала! – Маша наконец вскрикнула, поднимая голову.

Больше не видела в нем мужчину, раздражалась от его всевластия.

– Что, прости? – наклонился к ней. – Устала? Оксана, а ты устала?

– Нет, конечно, – размеренно ответила та.

– Я проплыла три бассейна, а она отдыхала!

У Маши легкие сжимались, ей хотелось кричать, но она старалась не подавать виду, как измотана и возмущена несправедливостью.

– Плыть будешь или собираешься уйти с тренировки? – спокойно спросил он.

У Маши глаза на лоб полезли. Он что, хочет ее выгнать? За то, что она устала? Яна хихикала позади, остальные перешептывались; ей слышалось это так отчетливо, будто слух обострился. Игорь Андреевич прохладно смотрел то на нее, то на воду.

– Нет, я буду плыть.

Маша проглотила обиду. Гребки стали тяжелыми, будто к рукам привязали груз, тело не слушалось, и Машу начало мотать из стороны в сторону. Она слышала мамины слова про тупость и уродство, видела идеальную старшую сестру и ненавидела себя. Ей хотелось остановиться и убежать, но она плыла назло всему. В глазах выступали слезы от боли, усталости и жалости к себе.

– Маша Кондратьева, еще раз, – скомандовал тренер, когда она вынырнула.

– Да пошел ты! – не сдержалась она.

Вылезла из бассейна и рухнула на кафель; мышцы гудели, палец на правой ноге свело. Маша зарыдала, потому что ей стало плевать на всех. К черту бассейн, к черту этого Игоря, и к черту ее спортивную карьеру. Она не способна на спорт, ни на что не способна, и с этим самообманом пора кончать. Распухшими от воды пальцами она пыталась разогнуть стопу, но та дрожала, а Маша ничего не видела из-за слез. Теплая ладонь легла ей на стопу; пару движений его больших пальцев – и спазм отпустил. Игорь Андреевич опустил на колени рядом, приблизился к ней и осторожно взял ее за подбородок. Она не смотрела ему в глаза, потому что боялась увидеть там не просто разочарование, а ярость за то, что послала при всем классе.

– А всю ночь в клубе пить – легко было? Ты сильная. Не знаю, кто убедил тебя в обратном, но прекрати жалеть себя.

– Вы не знаете, что у меня за жизнь, – возразила Маша.

– Ты или не сдаешься, или сдаешься, поняла? Любой психопат может прийти в твою жизнь и предложить тебе силу, чтобы потом уничтожить твою самооценку. Тебе не нужна чужая сила – она внутри тебя. Но если тебе нужна жалость, – психолог на втором этаже с удовольствием вытрет тебе слезы. Если тебе нужна нянька, папа, мама – ты не по адресу. Если тебе нужен мальчишка, вешающий лапшу на уши, – вон, сидит один из них, – указал он на Данила. – Нужна субординация? Лена с удовольствием возьмется за работу. – Игорь Андреевич приблизился к ней недостаточно, чтобы вызвать вопросы у окружающих, но достаточно, чтобы достучаться. – Ты несгибаемая и невероятно сильная, и тебе не нужна ничья жалость, потому что ты не жалкая. Я знал слабаков, и ты на них не похожа. Я строг с тобой, потому что верю в тебя больше, чем в кого бы то ни было здесь. И ты поверь в себя.

Он встал и перевел внимание на Оксану:

– Оксана, у тебя – ноль угла в моменте гребка!

Он показал, как надо.

– Прошлый тренер за такой гребок дал мне леща, попробуйте, может, сработает.

Она вела себя снова вызывающе и отвратительно.

Маша наблюдала за ними, продолжая сидеть на кафеле и истекать водой.

– Если честно, моя рука тяжелеет только при видео вон того товарища, – указал на увлеченного телефоном Данила. – Поэтому заканчивай с драмой, мы не в драмкружке, – твердо парировал.

Данил уставился на Игоря Андреевича, убирая телефона на скамейку:

– Эй, Андреич, а я-то что сделал?

– ТикТоки* будешь снимать в свободное от тренировок время, услышал?

– Злой такой сегодня, тебе что, бабы не дают? – Данил встал и вальяжно подошел к бассейну. – Возьми уроки у меня по обольщению женщин. По секрету, я даже Машку обольстил.

Данил закинул локоть ему на плечо, будто они закадычные друзья.

– Пфф, – Маша рассмеялась, вставая. – Чаще повторяй эту мантру перед зеркалом, и тогда твое самомнение станет еще больше.

– Очень интересно понаблюдать за уроком малолетки по обольщению не девушек, а прямо женщин, – Игорь Андреевич аккуратно снял его руку. – Лучше отойди, а то это может быть заразно. Ой, – он оглянулся на Лену и приложил руку к груди. – Извини, что нарушил субординацию.

Лена показала большой палец и раздраженно закатила глаза.

– Ты меня недооцениваешь, – самоуверенности Данила можно было позавидовать. – Да, Машуля? – сладко подмигнул ей.

Маша тоже закатила глаза.

– И каких же женщин ты обольстил до этого дня? – Игорь Андреевич прикусывал губу, сдерживая смех.

Все собрались вокруг и стали греть уши, улыбаясь.

– Не поверишь, Андреич, если скажу, – блаженно улыбался Данил.

Саша засмеялся, встав рядом с Машей.

– Да, не переживай, я и так не верю, – он потерял интерес к их болтовне и дунул свисток, оглушив всех. – Похихикали? Теперь – работаем.

В раздевалке впервые царил тишина; от усталости даже громкая Яна притихла. Сидела молча у зеркала и подводила себе брови. Лена сгорбилась над телефоном, Мила и Настя сушили волосы, а Маша стояла под душем и не спешила. Не хотела опоздать на следующий

урок, но она решила дождаться Оксаны. Теплая вода стекала по ее ногам и устремлялась в слив. Бело-голубая плитка покрылась испариной, выступающие на ней капли, словно наперегонки, сбегали вниз. Пар клубился под потолком, и Маша глубоко вдыхала его, как во время ингаляции. Она думала о сестре.

Аврора была лучшей пловчихой в этой гимназии, и ей пророчили блестящее будущее. Она также мылась в этом душе, ходила по плитке в тапках или босыми ногами, уставала в бассейне и спорила с тренером. Возможно, тоже влюблялась или запутывалась в себе. Маша пыталась вспомнить, был ли у Авроры парень в последнее время, но перед глазами стоял лишь ее звонкий смех и светло-розовые волосы до груди, которые она никогда не убирала в прически. Аврора была отличницей и всегда крутилась на стуле в их комнате, пока Маша рисовала. Улыбалась и давала советы. Всегда учила быть внимательнее к людям и находить в себе силы помогать другим. Аврора считала, что сила – в умении поддержать. Хотя сильной себя не считала, но сочувствию ей было не занимать. Маша вспомнила, как Аврора выиграла первенство города, и о ней писали в газетах. Помнила, что после празднования этой победы та ревела всю ночь на соседней кровати. Смотрела в потолок и тихо стонала, как раненный зверь. Потом стала худеть, перестала смеяться, а потом погибла. Маша и не заметила, как раздевалка опустела, а она снова плачет от тоски по сестре. Что та победа с ней сделала? А если победа сделает что-то и с самой Машей? Кто тогда будет следить за мамой? Кто будет рядом с Лерой?

Она вышла из душа и переоделась. Перед глазами всплыли родители, которые стояли над Авророй и твердили, что не дадут ей бросить спорт, чему-то не веря. Маша стояла, затаившись в коридоре в куртке, и потела, подслушивая их. Папа обвинял маму в плохом воспитании, мама – отца. Аврора плакала, и Маша тогда впервые заметила, как исхудали ее руки. Та поднесла их к лицу, и рукава сползли, обнажив иссохшие запястья.

Маша сушила волосы, рассуждая: заметили ли это тогда родители и за что же они ругали Аврору, если она стала победительницей?

В раздевалку вошла Оксана с покрасневшими от слез глазами. Она не заметила Машу, села у своего шкафчика и стала рыться внутри. Пальцы у нее дрожали. Маша выключила фен и осторожно подошла, крадучись, как к дикому зверьку. Присела рядом и затаила дыхание, будто им могла спугнуть Оксану.

– Что случилось? – тихо спросила.

– Тебе-то что? – огрызнулась Оксана, избегая взгляда. – Все тебе надо знать, да? Чтобы потом тыкать в это?

– Я хочу помочь.

Маша слышала свой голос и не узнавала его – такой кроткий и спокойный, будто сама Аврора вселилась в нее и говорила. Не верилось, что она сидит и пытается помочь Оксане.

Та обернулась и с раздражением прошипела:

– Убирайся отсюда.

– Он тебя обидел?

– А что? Побежишь морду ему бить? Защитница хренова, – Оксана стала переодеваться, швырнув купальник на пол. – Себе помоги лучше. Плаваешь, как дохлая селедка.

– Сомнительно, – усмехнулась Маша, снова став собой. – Ладно, как хочешь. Только не сделай глупости.

– Ах, у тебя синдром спасительницы? – Оксана закатила глаза. – Не ссы, я ничего не сделаю плохое этому хорошенькому телу.

– Тоже сомнительно, – наигранно возмутилась Маша.

Оксана нахмурилась и внезапно рассмеялась.

– Лучше свали побыстрее.

Маша кивнула, закинула портфель на плечо и направилась к выходу. Оксана окликнула ее у двери.

– Спасибо за участие, – без тени сарказма поблагодарила она.

Сдержанная улыбка тронула губы Маши, и она вышла.

Маша вышла из такси под низкое темное небо и пообещала папе по телефону, что придет на день рождения к младшей сестре. Луна ярко горела над общежитиями, танцюю «Лунную сонату» в кругу сияющих звезд. Маша подошла к подъезду, и тень от козырька упала на ее ботинки. Посмотрела на обшарпанные стены со следами от объявлений, остатками клея и номерами телеграм-каналов, сулящих заработок от 250 тысяч. Маша усмехнулась, прекрасно понимая, о каком «заработке» шла речь.

В кустах кто-то застонал, но рассмотреть что-либо было невозможно из-за плохого освещения. Тени от полуголого дерева падали на асфальт, ветки дрожали – значит, звук шел из-за низкой ограды у первого этажа. Маша заглянула под дерево. Там лежала женщина с голыми ногами, на которой был только один носок. Маша оперлась на ограду и наклонилась, вглядываясь в темноту. Женщина снова застонала и попыталась подняться. Тошнота подкатила к горлу, сердце забилось от страха, что та умирает. Оглянувшись и не увидев никого поблизости, она переборолла страх и перелезла через ограду. Присела на корточки рядом с женщиной и с ужасом узнала в опухшем лице свою мать. Коленки у той были в крови, а на лице виднелся свежий синяк.

Машу затрясло. Она приложила ухо к груди матери и услышала частый стук сердца. Ее бросило в жар, руки дрожали, но Маша, твердя «мама», пыталась ее поднять. Та икала, с трудом приподнимаясь. Когда удалось усадить ее, Маша откинула растрепанные рыжие волосы с ее лица и спросила строго, как учительница:

– Это что такое происходит?

Мама была пьяна так, что Маша не могла припомнить, когда видела ее такой в последний раз. Та оттолкнула ее и попыталась встать сама, но безуспешно, переваливалась из одной стороны в другую.

– Вали дрянь! – прорычала мама, с трудом выговаривая слова.

– Мам, приди в себя, это я – Маша.

Она потянула ее на себя, и, наконец, удалось поставить маму на ноги. Они пошатнулись и оперлись на ограду. Мама тяжело дышала перегаром ей в лицо, от чего Маша щурилась и отворачивалась. Перебравшись обратно, помогла и маме.

В свете фонаря мать наконец-то признала дочь.

– О, Машка, ты нахрен меня сюда притащила?

Оттолкнула ее и снова упала.

Маша вновь потянулась помочь, но та от помощи отказалась.

– Я тебя наоборот тут нашла, что это за фигня? Что у тебя с лицом? Где твоя обувь? Как тебе не стыдно? Где ты так напилась, мам?

– Ты что, дура? – мама искренне возмутилась. – Я не пьяная, помоги.

Она потянулась к Маше, и с ее помощью поднялась.

– Не пьяная? Я больше не могу это выносить, – ее трясло, тошнило, а глаза не переставали щипать слезы.

– Да, не терпи, вали, как и твой папаша, – мама важно выпрямилась и, едва передвигая ногами, побрела к подъезду.

– Если бы я тебя не нашла, ты бы тут замерзла и умерла! Ты в курсе, что творишь? – крикнула Маша в отчаянии. – Прекрати так бухать!

– Слушай, иди нахрен, – отмахнулась мать, как от надоедливого комара. – Безмозглая.

– Пожалуйста! – крикнула матери в спину.

Дверь за ней захлопнулась, и Маша опустилась на холодные ступени, тихо плача в ладони. Те пропахли запахом маминой зависимости. От бессилия слезы не прекращались, колени дрожали, и по всему телу пробежали мурашки. Руки не слушались, внутри все горело и разрывалось. Под ребрами закололо, прохладный воздух больше не поступал в легкие, и от жары этой Маша расстегнула куртку. Она пыталась успокоиться, но истерика лишь нарастала. И никому не было до нее дела, а свет в окнах на первом этаже продолжал загораться.

С утра она долго сидела в ванне, пытаясь снять следы ночной истерики. Веки опухли от слез, и Маша теперь стала больше походить на пьющую мать. Сережа долбился в дверь, но она намертво прикрутила шпингалет, и теперь никто не мог нарушить ее покой. Ругань доносилась через щель вместе с материнскими воплями; Маша прибавила громкость на телефоне и продолжила равнодушно слушать музыку. В этом она видела свою силу; каждая истерика притупляла чувствительность, и ей казалось, что скоро сердце окоченеет окончательно. Будто это не орган, качающий кровь, а самый настоящий сейф для чувств. И их было так много там, особенно плохих, подобно вирусу, разрушающему ядро, они также уродовали ее юное сердце.

Маша вышла из ванны и проигнорировала отчима; тот пыхтел, шумно запираясь в ванне. Из маминой комнаты доносились ругательства, а Маша напевала и делала вид, что ничего не слышит. Переделась в новые шмотки и накрутилась взрослее – без ярких стрелок и пирсинга. Надела толстые колечки в уши из золота, подаренные отцом еще на семнадцатилетие.

– Вырядилась, посмотрите, – жевала мать и смотрела на нее враждебно. – Где взяла такую одежду?

– Папа купил.

Мать демонстративно выплюнула хлеб.

– Продалась за бабки, значит.

Маша надела пальто и захлопнула дверь, не удосужившись дослушать маминых проклятий.

Антон разглядывал ее по дороге в гимназию, будто видел впервые. Лера отсыпалась после смены, потому они ехали вдвоем. Из колонок лился андеграунд, и Маша подпевала, чувствуя себя собой – в новом облике, но с прежней душой. Когда остановились у ворот, они взялись за руки. Солнце ярко светило в окно, а на улице бурлила жизнь. Осень красовалась золотая и теплая, дети визжали от восторга, родители ругались, но улыбались. Даже птицы, казалось, тоже радовались внезапному теплу. Под лучами солнца ее бело-синяя гимназия смотрелась престижно, будто из модного сериала.

– Папа купил, – ответила она на вопросительный взгляд Антона.

– Зачем в школу так вырядилась?

Его взгляд буквально прожигал ее насквозь. Маша отпустила его руку и всмотрелась в карие глаза.

– А что не так?

– Юбка не коротковата? А под рубашку такую хоть лифчик надела?

Он хмурился и ни капли не шутил.

– Что? – Маша фыркнула от удивления. – Ты кто такой, чтобы я перед тобой отчитывалась?

– Ты моя девушка. Я не хочу, чтобы другие хотели тебя.

– Антоша, голову полечи, ладно? Иначе мы расстанемся. Я ухожу.

Он вцепился в ее запястье; от его силы у Маши свело руку. Антон был сильным, крепким и вспыльчивым.

– Ты для козла этого тренера так вырядилась? – она широко распахнула глаза, и шок заглушил боль. – Или для мажора этого? Отвечай! Я видел, что ты добавила себе в друзья Игоря тренера. Покажи переписку.

Маша силой вырвала руку; кольцо Антона содрало ей кожу, и жар полыхнул до самого плеча.

– Мне больно, – понизила голос.

От испуга сама не поняла, как позволила проверить сообщения. Переписки с тренером действительно не было, но Антон открыл диалог с Данилом, и Маша вырвала телефон, ужасно испугавшись последствий. Она знала: если Антон узнает о связи с Данилом, он задушит ее прямо в машине. Лицо его исказилось от ярости, он кричал, и брызги слюны летели Маше в лицо:

– Есть что скрывать?

– Пошел ты! – наконец она взяла себя в руки и выскочила из машины, хлопнув дверью.

Родители с детьми обернулись на них, и это не позволило Антону броситься за ней. Она пронеслась мимо и облегченно выдохнула, оказавшись на территории гимназии. Впервые Антон ее так напугал, но она до конца и поверить в реальность происходящего не могла.

Поднимаясь по ступеням, она не переставала обдумывать случившееся. Наверное, не стоит врать Антону: она-то понимала, что причина его гнева кроется в ней самой. Да и на счет тренера он, видимо, все чувствует. Вина, подобно вирусу, встроилось в ее ДНК с молоком матери. Сначала – вина за собственное рождение, из-за которого мать с отцом так и не развелись. Потом – смерть сестры, в которой мама обвиняла именно ее, и со временем она сама в это поверила. Вина за то, что она невыносимая, и отцу постоянно приходится краснеть за нее перед учителями. А теперь – и за Антона, в чьей агрессии, разумеется, тоже была виновата она. Дремавший внутри вирус пробуждался всякий раз, когда его призывали, подобно нечистой силе внутри ее ДНК.

Пройдя через арки на входе, Маша окончательно убедила себя в вине перед Антоном. А раз виновата, то и заслужила побоев; родители всегда воспитывали ее кнутом. За любую ее провинность мать хваталась за ремень, превращая Машу в послушную дочь и удобную куклу – той самой куклой она и оставалась, пока не иссякли силы терпеть. Но и терпение – привычка, от которой ей до сих пор не удалось избавиться окончательно.

– На тебе лица нет, а выглядишь ты – просто роскошно, – Саша забросил ей руку на плечо и по-свойски поцеловал в висок.

Маша натянула рукав куртки на гематому и отшатнулась.

Он вопросительно уставился на нее.

– У меня парень есть, – нервно улыбнулась.

Но ее лучший друг видел насквозь эту улыбку.

– И что? А у меня девушка.

– Просто он очень ревнивый, – стала она оправдываться.

Саша скривился: она снова провалила защиту своего подсудимого.

– Тогда зачем тебе такой?

Маша пожала плечами и не ответила. Антон ведь защищал ее от отчима, только Сережа теперь казался куда безобиднее на его фоне.

– Он меня любит и позволяет быть слабой.

Саша усмехнулся, глядя на нее как на незнакомку:

– Или делает тебя слабой, внушая страх?

– Слушай, ты не лучший психолог, ясно? Ты встречаешься с бывшей девушкой своего же друга и позволяешь себе неуважительные шутки в ее адрес.

– Ты и сама в это не веришь, – этот концерт не производил на Сашу никакого впечатления. – Да, мне стыдно, что смеялся с тобой и позволял себе некрасивые шутки. Я думал, раз мы друзья, могу так подшучивать над своей девушкой; Данил ведь тоже говорил о ней гадости. Но я так больше не буду поступать с ней и никому не позволю. Неважно, какие поступки она совершала. Раз я с ней, значит, я это принял. Она ведь дорога мне.

Маша широко раскрыла глаза:

– Я знала, что она тебе нравилась еще в начальной школе, но чтобы настолько...

– Мы все обсудили с ней. Данил – мой лучший друг, но он не лучший из парней. Все его слова об Оксане – чушь собачья.

– Как трогательно, теперь я верю в любовь, – язвительно бросила Маша.

– Ты напряжена, как оголенный провод. Выдохни, здесь нет твоего агрессора. Данил рассказал про того скинхеда и, похоже, оказался прав, описывая его как маргинала с уголовными замашками.

– Отстань от меня, – прозвучало неожиданно даже для нее самой, но Маша не понимала, что с ней происходит.

Она резко шарахнулась от него и в одиночестве спустилась в раздевалку.

Одноклассники с любопытством разглядывали ее новый образ. Данил оттолкнул Мишу, тот свалился на пол, и похлопал по освободившемуся месту. Маша села рядом и проигнорировала его комплимент.

Яна повернулась к ней и ухмыльнулась:

– Нашего гадкого утенка папа-прокурор вытащил из болота и вымыл. Тебе идет, что удивительно.

– А тебе идет не открывать рот, – равнодушно заметила Маша.

– Ой, не будь букой. Или у тебя не папа, а папик появился?

Яна сияла от удовольствия, будто эти изменения касались лично ее.

– А что? Тоже хочешь?

Данил прыснул смехом, завалившись на спинку стула.

Маша отвечала грубо, глядя ей прямо в глаза.

– Окся! – Яна карикатурно жевала жвачку. – Видела, какая наша мымра причесанная сегодня?

– Пикнешь еще раз – пересчитаешь зубами все ступени в гимназии, – ядовито улыбнулась Маша.

Яна прикусила язык и обиженно отвернулась: она-то знала, что Маша не бросает слов на ветер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.